

СЕРГЕЙ РАЗБОЕВ

ВОСПИТАННИК ШАО

ТОМ 4

ПРАВЕДНЫЙ ДУХ АБСОЛЮТА

Сергей Разбоев

**Воспитанник Шао. Том 4.
Праведный Дух Абсолюта**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Разбоев С. А.

Воспитанник Шао. Том 4. Праведный Дух Абсолюта /
С. А. Разбоев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Кровожадный диктатор Мао Цзэдун вследствие тяжёлой болезни находится на пороге смерти. Подковёрные интриги китайских чиновников и их борьба за власть приводят Китай на грань гражданской войны. Четвёртая жена председателя Мао Цзэдуна пытается захватить управление страной, прибегнув к услугам "Банды Четырёх". Но неустрашимый Рус и тайное братство "Белого Лотоса" берут ситуацию под свой контроль. Под чутким руководством опытных контрразведчиков монахи силовым способом буквально меняют историю Китая.

Содержание

Часть I. Интриги планеты Китай	5
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвёртая	14
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	24
Глава девятая	30
Глава десятая	33
Глава одиннадцатая	37
Глава двенадцатая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Часть I. Интриги планеты Китай

«Надежда и унижение – вечное состояние раба.

Не верь. Не бойся. Не проси.

В стране, где жизнь всегда напрасна.

Где метка вечного раба

С рожденья ставится, как тавро».

Разбоев С.А.

Глава первая Лэнгли. ЦРУ.

– Генерал Маккинрой, я понимаю, что вы имеете право принимать решения на своё усмотрение. Но, вы так и не объяснили мне, чем вы руководствовались, когда присваивали монаху чин капитана и оформили его без проверочного срока в отдел особых операций?

– Сэр, все, что он сделал за последние четыре года, было по моей просьбе. И то, как он это делал последние годы, очень выгодно выделяет его из всей нашей секретной когорты спецов. Он достоин и нашего назначения, и нашего уважения, и нашей веры в него. Шесть лет он с нами и под нашим наблюдением. Даже непробиваемый доктор Динстон о нем только положительно говорит.

Директор ЦРУ и сомнительно, и, вроде бы согласно, помотал головой. Вскинул голову, поднял подбородок, пристально глядя на оппонента.

– Хорошо. Мы поговорим с ним, спросим его. Но, вы то сами верите в монаха?

– Да, сэр. Иначе бы я его не назначал и не выделял бы из всех наших подготовленных, высокопоставленных офицеров, облечённых властью и доверием государства. Он достоин работать в наших службах. И я верю – его, богом данные и полученные в монастырях возможности, очень много и весомо послужат как нам, так и делу мира на земле. Он обладает удивительно интересной и разнообразной оперативной мудростью.

– Сэр, ну это уже слишком пафосно. Каким-то неправдоподобием отдаёт. А что, если он сорвется?

– А что, если он погибнет?

– Не играйте словами, генерал.

– Господин директор, это вы неуважительно, для данного случая, играете словами.

– Мне положено сомневаться и подозревать.

– Я за него сказал свое слово. И я за него отвечу. Благодаря ему, все операции в Индии и Тибете прошли с той степенью надежности и без потерь, что всё это мы еще долго будем преподавать в своих школах. А Пакистан нам еще даст жизни. Район Тибета, Северной Индии, самого Пакистана, Афганистана – это удобные природные базы для террористов. И ваш давнишний ставленник Усама Бен Ладен мне в сто раз более не нравится, чем даже простые бандиты.

– Чем же, если не секрет?

– Категорически нельзя богатых и амбициозных людей в разведку, в спецслужбы брать. Они должны всегда быть на виду. А там, в горах Пакистана и Афганистана, мы его не контролируем. Вернее, мы можем опоздать и со своим контролем, и с анализом его действий. Конкретный недавний пример для вас – агент под кодом «Эмир», который так старательно и выразительно работал сразу на всех. Возомнил себя наместником бога, которого пришлось ликвидировать полковнику Чейзу.

– Генерал, вы все еще считаете, что полковник в данной ситуации прав.

– Даже более, чем.

– Но вы сами слишком пристально держали его под своим жестким контролем.

– Да, сэр. Но это и принесло свои положительные победные итоги. Полковник оказался на высоте данного положения.

– Стоит его поощрить?

– Да, сэр.

– Ну, что же. Я доволен вами. Значит, Усаму вы предлагаете держать под особым контролем?

– Да, сэр. Его папаша миллиардер. Ему нет проблем в горных пещерах создать свои надолго законспирированные базы. На папины деньги, на наши технические и военно-научные возможности. У пакистанца, старика Эмира, на двадцати миллионах баксах башня покосилась на плечах. Усама миллиарды вкинет в дело своих интересов. Он мусульманин.

– Вы меня, генерал, как-то очень крепко напрягли.

– Что делать? Монахи мне многое передали из области психоанализа. Имея дело с ними, я не менее, чем на половину, сам стал монахом.

– С чем и поздравляю вас, генерал.

– Спасибо, сэр.

– Хорошо. На этого молодого агента Ладена мы заведем особую папку, в особом сейфе, в особом отделе. Если у него тоже крышу сорвет, мы для него нового Чейза найдем.

– Дай-то бог не опоздать. Будем надеяться. Он с пятидесят шестого года? Еще пока учится?

– Да. А вы откуда знаете? Его дело находится под грифом «Совершенно секретно».

– Я же генерал, господин директор. В оперативном отделе. Я должен это знать.

– А-а. Да, да. Приткий арабчик еще очень молод. Семнадцатый сын в семье. Учится. А вы его уже под особый надзор взяли.

– Если бы ему было двадцать два, двадцать три, я бы особо не остановился на нем. А девятнадцать лет – это через чур маловато. Кто его рекомендовал?

– Резидент Саудовской Аравии.

– А как вышли на пацана?

– Я не в курсе, но поинтересуюсь. Но и вы можете запросить документы для ознакомления. Я вам дам официальное разрешение.

– Спасибо, сэр.

– Озадачили вы меня, генерал. Крепко озадачили. Но нам нужны разные способные агенты. И арабы, и негры, и азиаты. Всякие нам нужны.

– Понимаю, сэр. Сам также приглашаю на службу способных и полезных ребят во всяких неожиданных местах.

– Да, к слову. А ваш парнишка? С какого времени он с вами?

– Господин полковник, он с трёх лет воспитывался в уединенном буддистском монастыре, в районе восточного Тибета. У него нет никого из родни. Он полный сирота. Он не имеет ничего. Три года на нашей базе в Южной Корее обучался. Его духовные отцы-монахи – это философы и мирные люди. У них нет амбиций по переделу мира. Они сотрудничают с нами. За это время они только пользу приносили нашему департаменту. Один Ван чего стоит. А ведь ему под сто лет.

– Знаю, генерал. Это я знаю.

Директор ЦРУ первый раз расслабленно улыбнулся, заложил руки в карманы брюк, задумчиво прошёлся вдоль стола.

– Интрига в вашем отделе, конечно, занимательная. Приключенческая. В других офисах гораздо скучнее.

– Ну, сейчас все пока кругом притихло, притаилось. Полгода, думаю, всё будет тихо.

– Вполне. Месяц-два пусть ваши люди отдохнут. А там – отдел планирования подскажет над чем вам придется поработать в ближайшее время. Вы же знаете, Иран начинает бурлить. Радикалы не просто поднялись, они уже шумят во всю мощь своих глоток. Так они и до оружия доберутся.

– Несомненно, сэр.

– Мы там сможем своих лидеров найти и поставить? Король Реза Пехлеви, уже как политик, лидер, крепко сдох.

– Пока Хомейни в теме, трудно что-либо иное представить и найти.

- А в перспективе?
 - Будем работать, искать. Иранцы с древности очень амбициозны и грубовато горды.
 - Нам никак нельзя терять Иран. Иначе Кремль вползёт в гордые души малограмотного народа.
 - Будем стараться, сэр. Но, Пакистан для нас, во всяком случае пока, важнее.
 - Две большие страны. Ни одну из них нельзя терять.
 - Согласен. Когда рядом такие громадины, как Индия и Китай, куда уже дальше. Да и Индонезия не молчит, растёт. Её лидеры дико амбициозны и по-звериному опасны. Япония нас постоянно и провокационно под бок пихает. Весело живем. Как на вулкане. Поспать не дадут. Даже спокойно позевать.
 - Мне в первую очередь. Президент снова начал требовать подробного анализа за весь регион.
 - Господин директор, это мы сделаем. Главное, Конгресс успокоить. Картер обещал упрямиться с ними.
 - На год у него карт-бланш есть. А дальше надо показывать положительное движение.
 - Если в мире тихо, то и нам просто нечего показать. Если же завеселятся страны коммунистической ориентации, то что-нибудь сможем придумать.
 - Какой у вас прогноз?
 - Пакистан, Иран, Ирак. И, конечно, Китай. Красный дракон еще дышит: хрипит, но... глаза в агонии по сторонам.
 - Хорошо, что хоть желтый дракон Чжоу Энь Лай почил в бозе.
 - Хорошо. Но от этого не легче. Подковёрные склоки при хрипящем Драконе уже начались. У кого когти сильнее и хитрее окажутся, тот и выплывет на авансцену политики.
 - Кто у них самый шумный?
 - Последняя жена Мао.
 - А Дэн Сяо Пин?
 - Пока в тени.
 - Это хорошо?
 - Даже не знаю, как сказать. Все зависит, кто сейчас за ним.
 - Оперативных данных нет?
 - Пока нет. Но надеемся, что монахи что-нибудь подкинут. Главное, что сам Ван в Пекине.
 - Надежный агент?
 - Это не агент, сэр. Это просто сочувствующий.
 - Хороший сочувствующий?
 - И очень опытный сочувствующий.
- Директор снова довольно улыбнулся.
- Когда ожидаете информацию?
 - Мы никого не торопим. Время ещё терпит.
 - Мы не опоздаем, если что-либо крутое придется предпринять?
 - Мы там ничего не сможем предпринять. Не та страна. Не та партия. В Китае мы журналисты-статисты.
 - А монахи?
 - Сэр, – теперь уже улыбнулся таинственно генерал Маккинрой, – что они могут предпринять? Надо подождать. Наша агентура в постоянной работе, но просто необходимо выждать время. Для нас главное Московские баллистические ракеты. Если агентура Пекина на Дальнем Востоке будет работать на эту тему, то нам ничего более от китайцев и не надо.
 - Согласен с вами. Но вдруг Красный Дракон еще долго проживет?
 - Ну и пусть себе живет. Пусть смердит. До нас его газы не дотянутся.

– Хорошо, в принципе и, в общем. Я это все перескажу президенту. Ему этого вполне хватит на первое время.

– Несомненно. Главное, чтобы Конгресс про нас забыл.

– На время они успокоятся, затихнут. Все сейчас с упоением ждут смерти Великого и незабвенного, неповторимого красного Дракона с человеческим лицом китайца, Председателя, Кормчего, товарища Мао.

– Пусть наши шумные коллеги со скромным, политическим утешением ждут, господин директор. Это их утешит. У них есть жидкое и сухое время: днём и ночью. А нам пора разбежаться.

– Подождите, господин генерал, есть ещё вопросы.

– Слушаю вас, сэр.

– Меня интересует, что может знать кремлёвская разведка в Пекине?

– Она ничего не знает.

– Как так? Странно.

– Они только собирают информацию по гражданским, газетным сусекам. Где смогут.

– А вы пользуетесь гражданскими сусеками?

– Конечно, сэр. Но китайцы во вражде с Кремлём. Поэтому, они с их агентами боятся общаться. Пристрелят быстро с познавательной биркой на груди. Предателей любят. Общество положительно встряхивается. Да и своих личных врагов под общую дудку можно изничтожить. Но, скажу вам по секрету, все секреты в самом Кремле. Там их придумывают и там их переводят в штат политических разработок.

– Интересно.

– И выгодно. Они сами сделают секреты, а потом уже сами китайцы будут гоняться за интересами Кремля.

– Какая-то ерунда. Глупый у глупого крысятничает постельное бельё.

– Метод неожиданности, политического бреда, полной дезинформации. В двадцатых годах, в после-царской России, когда большевистской разведке нечего было предъявить иностранным агентурным структурам в области интеллекта и оперативной сообразительности, они и занялись тем, что полностью переиначили секретные службы в отделы по накачке политических мифов, мошенничества, обманов, новостных спекуляций, убийству главных врагов, военный и промышленный шпионаж. Надо же было как-то отчитываться начальству. После убийства Ленина, Сталин за каждое движение требовал отчёта. А кто хотел лишиться головы из-за скромности и порядочности? Не в характерах это хитрых и подленьких большевичков.

– Так чем они пользуются при разработке своих стратегических планов? Своими личными планами и целями?

– Ничем. Только захватами и присоединениями земель. Земля – их главные стратегические планы.

– Где-то я уже это читал.

– Ещё не раз почитаете. Поэтому, сами агенты не имеют право делать анализы ситуации и сообщать это в своих донесениях. Иначе, они автоматически становятся предателями и перебежчиками, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Странно. Что и интересно.

– А как вы работаете?

– Просто, сэр. Очень просто. Я сам решаю и делаю то, что мне нужно.

– Смело. Вы не боитесь разойтись с Госдепартаментом?

– Я согласовываю с ним важнейшие и решающие моменты. Сэр, мне пора удалиться.

– Да, да. Можете идти, господин генерал.

– Есть, сэр.

– Удачи вам, генерал.

– И вам также.

Глава вторая

Президент Картер – первый Координатор.

Штат Делавэр.

– Господин президент, мистер Маккинрой выполняет задание не по монахам и не по Китаю с Индией, и всякими там Пакистанами с террористами; хотя он грамотно успевает со всеми. Он всё время и постоянно работает по атомному проекту, паритетному оружию. По поиску его везде, где атом могут спрятать. Упрятать от глаз мировой общественности в земле, в океанах, в атмосфере, на Луне, на Марсе и т.д. Вы понимаете меня?

– Да, сэр. Но зачем ему для этого столько полномочий?

– Это не полномочия, а возможность выполнять секретные миссии по полной заданной программе и без помех. Он не английский Джеймс Бонд, гуляка и фронт в очках и с пистолетом. Он политик, аналитик. И, если Сэр Маккинрой решил, что молодой монах ему очень пригодится со своими прочими монахами в этом деле, значит, так надо. Прошлогодня военная и политическая удача генерала в Индии и Тибете многого стоит. Его уважают правительства этих стран. Назовите мне второго такого авторитетного агента в мире. А ведь он уже генерал. Но его уважают. Уважают и как дипломата. Ваши чопорные послы многое, важное проваливают в переговорных отношениях с крупными странами, а он нет. Удивительно; он открыто работает и никому не мешает. Убедительно?

– Согласен, сэр. Убедили.

– Вы не хуже меня понимаете, господин президент, а вам в первую очередь об этом надо думать, что, если в докладе генерала Маккинроя заявлено, что Москва некоторые космические спутники заправляет атомными бомбами пока не большой мощности, значит, по этой теме надо начинать и нам работать. Все лучшие силы агентуры посылать в Советы.

– Полностью с вами согласен, милорд.

– Разве он не прав, указывая, что НАСА должна сделать новый отдел по выявлению спутников с атомными бомбами.

– Согласен, сэр. Но все загадочно уперлось в этого монаха, которому он дал чин капитана. Зачем? Наши сотрудники уязвлены, недовольны.

– Пусть они сделают больше, чем этот монах. Даже, если сэр Маккинрой всем монахам Тибета даст по генералу, значит так нужно. А директора ЦРУ пора менять. Он должен быть оперативно адекватен и политически эффективно работать. Его должность – это руководство – общее, а не зависть с амбициями к сотрудникам. И завистливые сплетни с наветными палками офисной болтовни в колёса нашей стране ставить не стоит. Он достаточно много получает и достаточно много имеет с других мест. Он принят в обществе. У него очень большая ответственная должность. Что ему мешает руководить и радоваться жизни?

– Сэр, мы сегодня же на Совете безопасности рассмотрим вопрос о замене Директора департамента.

– И, более общительного и коммуникабельного парня найдите. ЦРУ не должно быть унылой конторой для параноиков. Веселее надо. ЦРУ не отдел КГБ Кремля и прочих там, китайских и других пыточных служб. Работать надо без мести и мстительности. Если человек не справляется – на пенсию его с почестями. Пусть в кино снимается со Шварценеггером и другими.

– А секретность?

– Какая там секретность? Не напрягайтесь зря. Все должно быть на уровне рабочей обстановки, без нагнетания психоза, подозрительности. Бездари обычно этим и занимаются, чтобы

скрыть свою некомпетентность. Вы теперь понимаете, почему генерал Маккинрой и попал под эти неуклюжие сплетни и наговоры сотрудников ЦРУ.

– Да, милорд.

– Разведка не терпит суеты и подлости. Кремль и Пекин с нами не играют. И те, и другие подумывают о захвате новых земель. Мусульмане с каждым годом все более наглеют. Прикажите аналитическим отделам всех служб полностью проштудировать все газеты, журналы, научные исследования, донесения агентов по тематике военного космоса. Современные технологии уже выросли в такой степени, что космос становится военным. Тесным.

– Ясно, милорд.

– Господин президент, на этом мы и остановимся по общим вопросам. Помогите отдельно Маккинрою с доставкой шифров к нему. Возникли большие проблемы. Кремль где-то здесь, переигрывает, но в Центре не прислушиваются к требованиям генерала.

– Я лично приму его по этому и другим вопросам, милорд. Все неувязки рабочего положения будут устранены.

– Я надеюсь, господин президент. Всего хорошего, господин президент.

– И вам, всего хорошего, милорд.

Глава третья Генерал Маккинрой – Рус.

– Рус, я улетаю в центр, ты готовься следом за мной. Кремль у нас перехватывает шифры. Наши агенты-егеря не справляются с безопасной доставкой их в Индию. Нужно организовать несколько групп из индусов и монахов Тибета. Разного возраста. Надо, как-то, продумать так, чтобы на полгода, хотя бы, затуманить мозги агентам Москвы. Наши люди в посольстве анализируют, на каком этапе мы просвечиваемся. О тебе, пока ещё никто не знает, как об агенте, поэтому разрабатывай эту операцию. Без надёжных шифров мы провалимся. Наша вся юго-восточная агентура будет под ударом. Москва многих сможет шантажировать и перевербовывать. А это означает: или провал, или уничтожение всей нашей лучшей агентурной сети в Азии. Своих людей мы не имеем право подставить. Грош цена нам будет с тобой, Рус. Люди нам верят и работают спокойно. Мы вовремя уловили размагничивание наших кодов и пока ушли тихо на дно. Вся работа приостановлена. За этот месяц надо двинуть работу. Я и с твоими отцами не могу связаться, пока не восстановим новые шифры. Ведь Тибет, на сегодня, ещё чист от Кремля. О тебе они что-то небольшое слышали, но не более. Монахи для них оперативная пустота. Ван в Пекине с вашими старейшинами лекарями аксакалами. О них знает только сам Мао, его охрана, министр Общественной Безопасности, и генерал Чу с генералом Чаном. И связь с ними, мы тоже пока приостановили. А ведь необходимо не менее сотни шифров в месяц. Центр готовит их, а русские как-то умудряются снимать копии.

– А как вы догадались, сэр?

– Агенты Москвы слишком приблизились к нашим рабочим темам.

Без шифров они бы ещё сидели бы в горах Гиндукуша и в трактирах грязных пакистанских городов. А так они уже тоже среди террористов мусульман. Заправляют кое-где. По атомной проблеме, они уже там, где их ранее не наблюдалось. Не говоря уже о провалах всей Вьетнамской кампании. Лаосской. Кампучийской. Я ощущаю их, даже здесь, в посольстве. Но это, скорее, мои личные страхи. Мы в том году переворошили посольства семи стран. Пока вокруг нас ещё должно быть чисто. Я, Рус, на тебя надеюсь. Ты мыслишь не одиночно. Но, помни: не только Советы за нами присматривают. Они на крайности не пойдут. Здесь мы друга крепко держим, как говорится, по-дружески, по-рабочему. А вот пакистанских агентов надо опасаться. Они не умеют работать. И могут пуститься на банальный терроризм, агрессию, чтобы доказать свою надобность правительству. Нам это не нужно. В общем, ты всё понимаешь. Я улетаю. Ты принимайся за работу. Все рабочие моменты с подполковником Криксом.

– Понял вас, сэр.

– Удачи.

Глава четвёртая Маккинрой – директор ЦРУ.

Генерал Маккинрой уже знал о смене Директора ЦРУ и не беспокоился за решение своих вопросов. Мощный Бэнтли весёлым длительным визгом моторов живо подбросил его с аэродрома в Лэнгли. Охрана на входе сегодня даже как-то бодрее стояла на своих постах, глаза блестели, движения были чётче, аккуратнее.

Генералу приставили сопровождающего, как положено по уставу, и офицер чинно повёл легенду нелегальной разведки по длинным коридорам Управления.

– Сэр, ранее я подавал рапорт на проблему утечки моих рабочих зарубежных кодов и дипломатических шифров.

– Знаем, генерал. Наши отделы сейчас прорабатывают ситуацию. Мы хотим докопаться до истины. На каком этапе у нас течёт. Вы что-нибудь сможете подсказать?

– Логика событий такова: в шифровальном отделе сотрудники не знают кому и какие шифры пойдут. В аналитическом тоже. Отдел оперативных операций заведует этим. С них и начинайте. Цензорный отдел всегда грешил свободой плавания информации. А дальше шустрые егеря.

– А в вашем посольстве, в Дели, всё чисто?

– Мы отслеживаем свой участок. Пока, подозрений нет.

– А как нам сейчас поступать, на время выяснения ситуации?

– Мой сотрудник, Сигма эс – 1809, некоторое время будет заниматься доставкой отдельной почты.

– Это тот тёмный и никому неизвестный в Америке монах?

– Да.

– Справится?

– Несомненно.

– Дай бог. Через сколько времени он прибудет в Управление?

– Через неделю.

– Хорошо. Ему не надо привлекать наши оперативные силы?

– Пока, нет.

– В средствах он не стеснён?

– Нет. Ему только нужен документ с особыми полномочиями.

– Будет. Генерал, а что вас натолкнуло на подозрения?

– Кремлёвские агенты очень активно, даже нагло для их осторожной агентурной неторопливости, зашевелились. Значит, они догадываются, знают, что делать. Имеют дополнительные подсказки. К ним прибыло значительное число агентурного пополнения. В Пакистане они даже не особо маскируются. Или играют недотёп, или ... Но, прибытие более двухсот человек за короткое время, это чересчур, многовато. Пакистан не ещё не очень горячая точка, хотя и бурно дымит. Много агентов здесь не требуется.

– Кто у них за резидента?

– Полковник Хамуков. У него под рукой не только нелегалы, и всякие агентурные советники, но и группы спецподразделений.

– Для чего они?

– Пока не знаем. Но, именно его люди, уже и в Дели, и в Бангладеш, и в Непале. Похоже, они по нашим следам хотят прознать всё Китайское, Индийское, Пакистанское. Выходить на людей, с которыми мы сотрудничаем. Полковник Дроздов в Пекине пока, на мели с информа-

цией. Но москвиты меня знают и бросили на след мне удачливого выпивоху Хамукова. Они также по-крупному играют с исламскими экстремистами. Водку им возят целыми вертолётами. Заодно и спекулируют, при случае, лично для себя, на алкоголе.

Новый директор понятливо заулыбался.

– Генерал, там, где русская водочка, там будет всем весело. Смотрите, не спейтесь и не спойтесь с хитрыми кремлёвскими агентами.

– Да, уж. Проблема уйти от тоста с патриотическим достоинством. Говорят, он большой специалист по ведению застолий.

– Ну, вот, в Исламабаде и гульнёте за трудности агентурной деятельности.

– Это мы можем, сэр. Только необходимо начинать притормаживать экстремистов всех мастей в их потугах проявлять вольность. Заставить, чтобы сами власти Пакистана этим занялись.

– Хорошо. У нас есть каналы нажима на режим. Или оружие, или ничего. У них нет выбора, так как нет средств к выживанию и противостоянию Индии.

Директор встал, подошёл к коричневой папке с документами.

– Значит, генерал, полный отчёт и исследование по Азии в этой папке?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Мы заставим наши отделы шевелиться. До свидания, генерал, можете идти.

– Есть, сэр.

– Удачи вам, генерал.

– Спасибо.

Глава пятая

Рус, монахи. Тибет. Монастырь.

Рус любил смотреть на землю сверху, с высоты птичьего полёта: и с воробьиного, и с орлиного; а родные горы, тем более. И крыши, до боли родного монастыря, крепко щемили ему сердце. На полянках и на дорожках тренировалась молодёжь малолетняя. Рус для них был уже взросляк – двадцать семь лет. Надо же. Легенда Тибета. Гордость монахов. Светский монах, как стали звать его, всемерно любя и гордясь им.

Настоятель Дэ уже ожидал Руса на отдалённой полянке, среди больших валунов и реденьких кустиков.

Они тепло обнялись. Неторопливо подошли к высокому откосу ущелья. Глубина была такая, что речка казалась внизу шевелящейся, хныкающей ниточкой. На слова Руса, настоятель со знанием темы неторопливо пояснял:

– Рус, сейчас наши лучшие отроки в Пекине вместе с Коу Кусином и Хан Хуа, прикрывают и обеспечивают работу Вана со старейшинами. Сен Ю, как обычно, на прикрытии монастырей. Мы можем тебе выделить двенадцать ребят до двадцати лет. Старшим, твой близкий дружок, Мин. Бери их, в пути разъяснишь им задачу. Ты это лучше меня знаешь.

– Они прошли экзаменационный туннель?

– Нет ещё. В глазах виден страх, неуверенность. Но, с тобой, верим, возмужают. А как сам думаешь, везти их в Штаты?

– Мы оформили документы на несколько туристических групп в Сан-Франциско. Там многочисленные китайские, индийские, японские диаспоры. До сотен тысяч. Много тайландцев, вьетнамцев, филиппинцев. Мне дали адреса мест, где можно встретиться с их представителями. Так что мы там все исчезаем на время: под другими документами появляемся в Нью-Йорке, а там нас поведут люди сэра Мака. За нами, также, будут плестись несколько групп индусов.

– Подозрительности и приставания со стороны властей не будет?

– Что-то может быть, конечно, но все наши будут с любопытными физиономиями туристов.

Дэ скупно улыбнулся.

– А как с американским языком?

– Дина будет и за гида, и за организатора, и начальником всех групп. А в Нью-Йорке нам придадут еще несколько старушек. Да и ребята усиленно будут изучать разговорную бытовую речь.

– А кого вам надо опасаться?

– Генерал опасается утечки информации из Центра и настырных глаз агентов Кремля.

– Это серьёзно. Но, я думаю, американец сможет и с резидентами Кремля найти общий язык. Где сам их резидент находится?

– В Пакистане. Какой-то полковник Хамуков.

– А в Индии?

– Генерал считает, что с ним, пока, ему не имеет смысла иметь дело. В Индии нормальная обстановка. А вот придержать экстремистов мусульман всех мастей в Пакистане, сейчас это главное. Иран и Пакистан – это большие страны с огромным числом и фундаменталистов-еретиков, и экстремистов, и террористов, и бандитов, уголовников. Короче, там всего по многу. Необходимо, чтобы их лидеры были лояльны и к янки, и к демократическим принципам.

– Смотрю, Рус, тебе понадобятся ещё ребята. Через пару месяцев десяток подготовим.

Рус уважительно поклонился.

- Уважаемый Дэ, а в Пекине не понадобится наше содействие?
- Мы не торопимся. Там, пока, всё тихо. Нас более волнует племянник Мао. Этот хмырь, свой нос сморщенный, продолжает совать во все впадины и дыры.
- А его есть смысл убрать, то есть ликвидировать?
- Стоит, конечно. Но, мы не знаем, что может произойти, когда Мао отойдёт в мир иной.
- А что может произойти? Будут грандиозные похороны. Слезливые митинги по преждевременной кончине. Будет большой, грандиозный, партийный, эпохальный съезд, изберут нового кровавого Председателя.
- Это по Закону. Но, началось активное политическое шевеление главной жены Мао.
- Интересно. На что она может рассчитывать?
- Пока не известно. Но, если она соберёт вокруг себя влиятельные силы, то может претендовать на ведущие роли в стране. Второе: говорят о каком-то завещании Мао.
- Откуда слухи?
- От племянничка. И, видно, он крепко сцепится с вдовушкой.
- А аналитики прикидывали, у кого, какие силы в настоящее время в наличии?
- Мы многого не знаем. Ждём информации от генерала Чана. Но, у племянника министра в наличии генерал Чу, а это Общественная Безопасность, милиция с охранными службами, большая часть партийной номенклатуры. И немало партийных бонз в провинциях. Может даже и большая часть. При будущей, амбициозной вдовушке: армия, часть партийного аппарата, телевидение, радио, часть провинций. Немало, но ещё недостаточно для лидерства. Ещё, она ищет связи с влиятельными странами. С Америкой и Советами, в том числе. Она очень активна. И кто-то в будущем сможет ещё перебежать на её сторону. Ближайшие месяцы расставят партийные кадры по обе стороны политических баррикад, а там и ситуация для нас тогда прояснится. На сегодня, генерал Чу очень влиятельная фигура. Никто не знает его настоящих возможностей. А с опытным генералом Чаном, это очень могущественный тандем в столице. И, хотя, мы союзничаем с ними, их полных возможностей мы не знаем. Они нам очень активно помогали в Тибете. Мы и сейчас с ними сотрудничаем и, думаю, что после смерти Мао, генералы о многом будут нас просить. Ведь, Рус, брат Ван сейчас не у Мао. Генерал Чу просил подсобить с Чжоу Энь Лаем. Этот авторитетный партийный деятель, после Мао, самая опасная фигура. Он очень болеет. Но ему ещё семьдесят пять лет. Надеется пережить Председателя. И, если он вдруг раньше Председателя умрёт, то политическая обстановка в Китае будет более спокойная. Опять, «Белый Лотос», в физической тени, но в гуще политических событий страны. Как в прошлых веках.
- Так может мне лучше в Пекине быть?
- Время терпит. Подсоби генералу Маккинрою, а там и он приедет в Пекин. Думаешь, американцы не следят за событиями в кулуарах «Запретного города»? И Кремль там плотно прилип с полковником Дроздовым. А штат у него не менее тысячи агентов, не говоря про посольство и всякие торговые и общественные представительства. Увидишь, все разведки всех стран мира соберутся здесь. И у каждой будет своё дело, цели, задачи: от лично меркантильных, до серьёзных политических. Даже, просто какой местный банк потрясти. Особенно афро-негры будут очень активно кредиты просить за счёт и на счёт великих похорон. В Пекине сейчас восемь миллионов жителей. На время смерти Мао будет не менее двенадцати миллионов. В таком хаосе дрожащих миллионов, жаждущих и страждущих, мы сможем глубоко затеряться. Нам важно, чтобы новое правительство было лояльно к Тибету и не трогало монастыри. Поэтому, Рус, и нам важно, чтобы наш друг генерал Маккинрой был на коне и, чтобы его шифры знал только он один. Тогда и Китай станет более миролюбивым. Закроют грандиозные стройки в каньонах рек Тибета. Тем более, что сейчас вся техника и возможности перенаправляются в космос.
- Космос очень дорого.

– Дорого. Но и работа в каньонах, ты видел, не меньших денег стоит. В космосе за счёт новейших технологий, а в горах мы теми же лопатами, только механическими. Как я знаю, все передовые институты развитых стран, перенаправляют свою работу только на новейшие технологии и на отделы исследований нанотехнологий.

– А что это?

– Это технологии на уровне молекул и атомов. Здесь, даже баллистические и космические ракеты – далёкий прошлый век. И все разведки, всех стран мира работают сейчас не на войну, а на промышленный и научный шпионаж. Поэтому они, разведки, будут сосуществовать более-менее мирно. А вот экстремизм и терроризм будет расти. Лидеры их религий селятся подталкивать паству к экстремизму. Каждая из конфессий стремится овладеть всем миром. Они уже приглядываются к Луне, Марсу. Они уже находятся не так далеко от нас, как казалось раньше. Жить сейчас и интереснее, и опаснее. Сейчас, Рус, надо узнать у сэра Мака, какая робототехника у них имеется, и что можно полезного для нас приобрести. И в Японию готовься. У них неплохо развито роботостроение. Южная Корея в этом направлении усиленно развивается, Тайвань. Деньги, пока, у нас ещё есть, но закупок предстоит много. А в посредниках, ты знаешь, везде ловкачи, проходимцы и просто негодяи всех мастей. Из наших ребят, что возьмёшь с собой, подготовь смышлённую группу, позже с ними и поездишь за новыми технологиями. Нам сейчас важны мини и микро самолётики. В горах без них мы медлительны и без глаз. Компьютеры нужны, общие и с программами управления. Мы готовим стационарные базы для их установки: нужны специалисты и прочее. И здесь, сэр Мак, для нас – всё. Без него мы ничего не сделаем, а он нам поможет. Потому что, это в его интересах. Мы сможем собрать аппаратуру, которая будет лучше, чем в Пекине или Дели, и даже лучше, чем в Москве. А вот за технической Европой мы можем тащиться на уровне только их средних институтов. МакКинрой, конечно, не передаст нам лучшее; но и не худшее, не старое. Мы двадцать ребят отправили в Японию и Лондон учиться на программистов. Через месяца три у нас должны быть компьютеры, а через полгода заработать. Места у нас относительно чистые от шпионов, поэтому генерал Мак не будет опасаться, что какие-то секретные технологии могут уйти на сторону. И он всегда сможет, если ему очень понадобится, пользоваться нашими компьютерами. Обоюдная выгода. Да и слежение за Китаем и Индией с Пакистаном с наших мест удобно. Столицы этих стран близки к нам. Вот, брат Рус, видишь, как я тебя загрузил информацией. Всё нам это предстоит сделать. Так что, лети в Америку, генерал тебя снабдит многим из новых технологий. Вези всё к нам, сюда. Ну всё, мальчик мой, бери группу, лети.

Рус поклонился настоятелю. Его глаза долго смотрели в сторону ущелья.

– Уважаемый Дэ, я подозреваю, готов обосновать свои опасения, нашему американскому генералу. Он для них слишком либерален. Слишком не их. Они со своих Вашингтонских позиций видят только свои интересы, а он видит весь мир в целом, как из Космоса. Он для них инородное тело. Поэтому я прошу Вас придать мне дополнительные силы и возможности для защиты генерала от мертвящих рук руководства ЦРУ. Если он погибнет, мы тоже многое потеряем в своих возможностях противостоять врагам цивилизации Земли.

Дэ кивнул головой в знак согласия с мыслями Руса.

Рус поклонился настоятелю и скоро его вертолет с группой монахов, быстро взлетел и понесся над Гималаями в сторону Дели.

Глава шестая Генерал Чан – Ван.

*«Не верь, не бойся, не проси.
В стране, где жизнь всегда напрасна,
Где метка вечная раба
С рожденья ставится, как тавро».*
Разбоев С.А.

Пекин.

Пасмурно. Довольно холодно. Ветрено. Всего плюс десять. Тяжёлые тучи медленно плывут над огромным шумным городом. Народу на улицах мало.

Генерал Чан с монахом Ваном в одной из новых гостиниц близ площади Тянь Ань Мэнь, а значит и близ запретного города. Номер принадлежит спецслужбам.

Задумчивый Чан в кресле. Мудрый Ван на мягком стуле у стены в прямой позе ушедшего в нирвану монаха.

Генерал более напряжен в своих мыслях, чем отрешённый монах. И это сказывается на его словах и интонации.

– Уважаемый Ван, мы даже не представляем, что может произойти в стране, если Председатель Мао умрёт быстро и неожиданно.

Монах кивнул головой в знак существующей неопределённости политического положения.

– Пусть умирает медленно. Общественность привыкнет к больному и будет сочувственно сопереживать.

– Вам просто говорить. И по злословить можно. А здесь резня может начаться, если не массовые бунты.

– Для Китая это не впервой, не страшно.

– А для политики, международного спокойствия и престижа?

– Мао, почему то, ранее совсем не думал о престиже страны. Что хотел, то и делал. И мир не особо обращал на его многочисленные античеловечные преступления. Он и сейчас совсем не жалуется весь остальной земной мир своим почтением к нему. Много ли Советы прислушиваются к слову осторожности, советам миролюбия? Они гнут свои цели. Давят своей наглостью на всё, что им не по духу, и не по идеям. Если стул Мао займут такие же отморожки, как и он, к чему тогда его насильственное отстранение? Только вера в то, что что-то может измениться в лучшую сторону, заставляет нас участвовать в наших потугах по энергетическому умерщвлению Председателя. Иначе мы и не брались бы за чёрную энергию. Его прокуренные жёлтые зубы и любимый старый халат со многими заплатками слабы перед мощью чёрной проникающей энергии, но трудности в том, что он сам пустой, как пустотелая прогнившая труба, и вся энергия впустую продувается сквозь него. Такое ощущение, что в его голове нет серого вещества: какой-то материалистический заменитель. В комнатах запретного города почти нет металлических предметов, улучшающих вихрение энергии в закрытых помещениях. Надо попробовать поставить охрану вокруг его личных комнат по периметру с автоматами и штык ножами, патронами. Стальные стулья, столы, светильники. Побольше металла расположите вокруг. Бронза, медь, золото, серебро – всё пойдёт. Картины из бронзового багета.

– Попробуем. Но, почтенный Ван, меня, как и политика, и чиновника, находящегося в кругу внутренних решений по расстановке сил в высших эшелонах власти, интересует такой вопрос: вы сможете помочь нам в нейтрализации некоторых враждебных сил, мешающих раз-

витию Китая, как цивилизованной страны нашей Планеты и могущей стать вполне демократической страной.

– Вопрос понятен, товарищ генерал. Первое – это не в моей компетенции. Но, если Совет Старейшин согласился с ликвидацией Председателя, то, думаю, они не против нейтрализовать и другие тёмные силы, мешающие современному процветанию Китая.

– Это для меня главное и вполне удовлетворяющий ответ, уважаемый Ван. Здесь нас и американец поддержит, и, думаю, ваш легендарный воспитанник сможет принять участие с другими вашими воспитанниками. В Пекине очень много кремлёвских агентов и прочего легального и нелегального сброда из других стран.

– Лично я не против пошерстить нехороших чиновников. Всё зависит от решения Совета Старейшин.

– Для меня очень важно ваше личное мнение, уважаемый Ван. Будем сотрудничать. Через тоталитаризм мы не стали великой страной. Только бедной, серой и бесправной. Может будущие года станут светлее. Что вам необходимо, чтобы успешно проводить начатую операцию «Чёрная энергия»?

– Нужны три комнаты вокруг спальни Мао, расположенные треугольником: вершиной на север, нижние две вершины по прямой линии с запада на восток. Расстояние от комнаты Мао не более пятнадцати метров.

– Понятно. Наверное, придётся американца попросить. Они с космоса или с самолётов смогут сканировать запретный город. Нам лично это не под силу. Это полное табу – комнаты «Города».

– Скоро я буду допущен внутренней охраной посещать «Город» для наполнения комнат живительной энергией. Память у меня хорошая, но меня будут водить по одним и тем же дорожкам.

– Да. Но, охрана сделает несколько ложных комнат, по расположению которых можно запутаться так, что вообще ничего не поймёшь.

– Несомненно. Они это сделают. Но наши, глубоко просветлённые, во дворце Патала проведут мандалу (ритуал) по кала-чакры (колесо времени) на предмет жизни Председателя. Они умеют направлять энергию. Так что, Мао уже ничто и никто не спасёт.

– Мао очень хочет жить и жить долго. Там у него целая куча докторов при деле.

– Они ему не смогут помочь. Но среди докторов есть ваши люди?

– К сожалению, нет. Никто не мог предвидеть, что Мао может ослабнуть, заболеть. Он же бог вселенского масштаба.

– Холопство, холуйство выше разума и практики жизни.

– Что меня и убивает, как нормального гражданина.

Два гражданина Китая иронично улыбнулись друг другу.

Всё они, как достаточно компетентные политики, прекрасно понимали международное положение; но дни завтрашнего Китая были настолько непредсказуемы, что кроме, скажем, чёрной общественной иронии ничего нельзя было что-либо серьёзное предложить народу. Но, какие-то подготавливающие шаги делать было необходимо.

– Уважаемый Ван, мы имеем в наших архивных, базовых данных и продолжаем собирать компрометирующие материалы буквально на всех, кто может представлять интерес в будущем для нашей внутренней политики и претендовать на верховную власть, или быть полезным для главенствующих представителей. Весь Центральный Комитет и кандидаты, депутаты, начальство провинций под нашим надзором, но этого мало. Нужны радио и телевидение.

– Что мешает заставить служить министра телерадиовещания прогрессивным интересам?

– Подумаем. Но, он при жене Мао мадам Цзян Цинь. У нас сейчас разрабатывается один перспективный рабочий момент. По кулуарным партийным и кухонным разговорам среди вли-

ятельных сил имеет большой авторитет маленький Дэн Сяопин. Человек достаточно прогрессивный. Можно ли для него найти у вас двух, трёх человек и для охраны, и для технической и прочей помощи?

– Можно. Сколько у нас времени?

– От трёх до шести месяцев.

– Дэну будут представлены вертолёты, автомобили?

– Сейчас нельзя предсказать. Но, если он ввяжется в борьбу за власть, то несомненно, ему нужны будут вертолёты.

– И, наверное, не два-три.

– Да. Спецгруппа минимум в сотню человек должна быть постоянно возле и вокруг него.

– И здесь нам американец много поможет.

– Я надеюсь на него. Мы достаточно много помогаем ему по обнаружению ракетных баз и шахт в восточных районах Советов. Дэна они, несомненно, знают. И знают неплохо.

– Если вы ставите на Дэна, мы поможем вам.

– Ну, уважаемый Ван, в принципе по основным вопросам мы договорились. Мне пора в центр. Пусть бог вам поможет во благо народу Китая. До свидания.

– И вам пусть бог поможет.

Глава седьмая Сэр МакКинрой.

Сэр МакКинрой долго раздумывал и анализировал: на каком этапе может происходить утечка секретных кодов. Егеря-курьеры скрытно проверялись и подозревать их, пока не было причин. Как можно сканировать документы у группы сотрудников, если они прямым ходом из Лэнгли садятся на самолёт и без пересадок достигают аэродрома Дели. С аэродрома на машинах до посольства. Самое слабое звено самолёт. Но что там может происходить? Что? В самолёте курьеры имеют право спать. Но не все сразу. В самолёте находится проверенный экипаж и вся обслуга. Кому верить? Придётся установить скрытую съёмочную камеру. Необходимо снова лететь в Штаты?

Генерал посмотрел на часы: два часа ночи. Это в Индии. В Лэнгли сейчас десять вечера. Руководители отделов в это время отчитываются Директору. Ранее, чем через два часа, звонить не надо. При всей внешней скрытости и неизвестности момента, эксперт, всё же, был внутренне напряжён. Через сутки-вторые Рус со своей группой привезёт коды. Стоп. Стоп-стоп. Надо звонить Русу, пусть он установит видеокамеру в салоне самолёта. Сам пусть летит другим самолётом с частью группы. Можно потом сравнить, проанализировать.

Сэр МакКинрой включил рацию. Рус включился не сразу, только секунд через сорок.

– Слушаю вас, господин генерал.

– Здравствуй Рус.

– Хэлло, сэр.

– Я вижу ты бодр, капитан.

– У нас ещё вечер и мы все в активе.

– Это хорошо. Я подумал здесь, в тишине: может тебе часть группы отправить основным самолётом в Индию, а ты сам, со второй частью группы и с кодами лети рейсовым, гражданским самолётом. В основном планере необходимо незаметно установить видеокамеру. Я запрошу разрешение у Руководителя. Если что случится непредвиденное, на последней странице твоего документа, спецкода достаточно, чтобы тебе никто не предъявлял никаких претензий. Если кто пойдёт на тебя в наглую, отбивай им головы. Если применят оружие, имеешь право применить и ты.

– Понял, сэр.

– Рус, я подозреваю, что именно в самолёте происходит что-то необъяснимое. Что именно, камера и должна нам показать. Дина должна быть с тобой. Основные ребята группы, тоже, пусть будут с тобой. На основном самолёте пусть летят индусы. Они сикхи – ребята хорошие, но я, чего-то, подозреваю страшного на этом борту. Кем-то мы должны жертвовать. Беру ответственность на себя. Боюсь, что и за тобой хвосты плетутся. Но это, скорее всего, кремлёвские агенты. Они могут применить что угодно. И любые провокации спровоцировать. Опасайся их. Экипаж обязан представить тебе списки всех пассажиров. Если откажутся – имеешь право остановить взлёт, звонить руководству нашей конторы и передать полномочия прибывшим представителям разведки. Это твои права. Это, конечно, мои самые тёмные мысли, но опасаться надо всего и ко всему быть готовыми.

– Вас понял, господин генерал. Хвосты свои мы уже знаем. Как-то смело и неосторожно они работают. Одного мы подставили под полицию. Машины неаккуратно ставят. Второго под местных хулиганов.

– Хорошо, Рус. Вижу ты в боевом настроении. Это главное. Удачи тебе. Благослови тебя бог.

– Спасибо сэр.

- Удачи тебе.
- И вам, сэр.

Глава восьмая

Чан – генерал Чу. Сомнения Разума.

*«Я считаю, что ненависть к строю,
Который отправляет в могилу
миллионы людей моей родины, –
это не только моё право, но и
мой долг».*

*И.Л. Солонович.
1891-1953гг.*

Вечный заместитель министра Общественной Безопасности, влиятельный генерал Чу, в последнее время был заметно напряжён и внешне, как-то не так, как обычно, выглядел: глаза стали острее, пристальней смотрели на собеседника, а речь из замедленной и тихой, стала резче и прерывистой. Правая бровь подёргиваться, а пальцы рук беспричинно сжиматься в кулачки. Долго смотрел он на своего любимого подчиненного, что-то тяжело обдумывая и постоянно мысленно прикидывая.

– Ну, мой дражайший и верный друг, брат и товарищ, что великий чемпион Тибета изъясил высказать на наши скромные общественные предложения?

– Классическое мудрое согласие, товарищ генерал. Ван верен себе. Он готов влезть в нашу политическую схватку, но при условии согласия своих старейшин. А те, я думаю, все против Мао. С шести тысяч древних, мирных монастырей сохранилось тринадцать. Они это хорошо помнят, как и гибель самих монахов.

– Вот и хорошо. Я, в принципе, тоже не сомневался в их готовности сотрудничать с нами. Генерал, даже, внешне посветлел. Бодро забарабанил по папке с документами.

– Для нашего большого малыша выделяют людей?

– Да. В пределах сотни.

– О-о-о. Круто. Молодцы. Деньги спрашивали?

– Нет. Я думаю, американец им немало дал. Им хватает.

– Это хорошо. Но за работу надо платить. Деньги у нас сейчас тоже есть. Все же сотня бойцов – это не два или три мутных чайника. Жена Председателя – на сегодня самая опасная фигура и для нас, и для страны. Она может оказаться более непредсказуема. Ей ничего не стоит ввести войска в Гонконг, Макао или на Тайвань. Так, просто ради военной забавы и повышения напряжённости в регионе. Под эту дудку легко головы рубить своим личным и политическим противникам.

– Да, в такой ситуации, вообще ничего нельзя предсказать. Начнут давить друг друга, от общего писка перепонки трещать начнут. Заказы пойдут на ликвидацию оппонентов, как билеты на стадион. Как бы нам самим не попасть под заказ.

– Не волнуйся, мы будем в длительных заграничных командировках. В Непале или Бутане. Придумаем куда. А вот сэр МакКинрой, наверняка, постоянно будет в Пекине. Он будет держать нас в курсе событий.

– А я думал, что именно мы будем постоянно информировать американца.

– Мы ввяжемся в дело, но позже. Сначала пусть претенденты бодаются. Увидим их мощь, интеллект собранной команды.

– А сегодняшних данных мало?

– Маловато. Кремль ещё не определился. Европа мудро молчит. Только вездесущие янки в теме. Откуда они копают информацию? Ума не приложу.

– А за кремлёвским товарищем Дроздовым не присматривают?

– Присматривают, и хорошо. Но он, сейчас вроде сник: ушёл на дно. Уехал. На сегодня, в Москве. Видимо получает конкретные директивы.

– А с кем он из верхов связан?

– Почти со всеми. И с Дэном тоже.

– Если Кремль поставит на малыша, то мы союзники.

– Да.

– А американец сможет с большевичком сотрудничать?

– Сможет. И ещё как! Если он с монахами дружит и не слабо, то... И Советы, далеко не дурачки в разведке.

– Ну, а нам лично, стране, Кремль нужен?

– Конечно, нет. Будет снова навязываться их имперская, агрессивная политика. Если бы Мао не ушёл от Советов, то уже могли быть совместные войны за гегемонию против и Запада, и Америки, и здесь, в Азии.

– А, чтобы хотел Кремль присвоить к своим республикам в ближайшее время?

– Очень они активны в Афганистане. Давят и на короля, и на оппозицию, лишь бы Америкой там не пахло.

– Шансы у них есть?

– Шансы у всех есть, использовать их только надо вовремя и умело.

– Но, Афганистан, это нищенская страна, бедный необразованный народ, никакой промышленности.

– Земля, Чан, земля. Люди им надо только в качестве рабов. Ими они и заселяют пустующие земли. Всех остальных, борзых и слишком умных, в сибирские лагеря смерти. Для этого, они и амбициозного, больного паранойей Мао, возвели на престол, но он не оправдал их больших исторических надежд. Председатель решил сам править миром. Годков земных, и просто здоровья земного, для этого ему не хватило. Время жестоко с каждым. А для народов – упущенное время, это глобальная катастрофа. Царская, каторжная Россия это переживала в прошлых веках и сейчас, при большевиках, также тяжело переживает. Теперь это переживает и будет продолжать переживать коммунистический Китай. Неужели ума и разума не хватает. Нужны кровавые трагедии, чтобы понять, как по богу жить. Просто, по-человечески. А насчёт шансов, что ты спросил, это, как бог на душу положит. Как и у нас сейчас – Дэн собирает вокруг себя всех, кого можно. И жена Мао не дремлет: её агенты во многих влиятельных столицах мира.

– У неё готова, программа, цель, задачи?

– Председатель, пока ещё, живой. Кто это будет со своей программой выступать? Кормчий слаб, но головы ещё рубит вполне активно. Всё антипартийное происходит на стадии тайных переговоров, кухонных, банных, ресторанных встреч. Ни Дэн, ни Цзян Цин, не могут выехать за границу. Силы, в общем, на сегодня у них равны.

– А мировая общественность за кого?

– А что она знает? Мы не знаем. Но, думаю, от своих надуманных предпосылок политики на семьдесят процентов за Дэна. Но нам за граница, как ты знаешь, по боку. Всё решает партийная верхушка. Договорятся мирно, всё будет хорошо. Нет – будут лететь головы по касательной с площадей в отхожую корзину.

– На всю эту политическую аналитику и мудрые выводы, грамотных не хватит.

– Выводы будут. Но не в газетах и журналах, не в полемике общественности, а в головах тех мудрецов, кто следит за темой и дёргает за нужные верёвочки. Мы, конечно, не последние люди в этой глобальной политике, но мы не знаем главного. А за это и больно, и обидно. Я за

Мао десятилетиями шёл, а к чему пришёл? К разбитому корыту, которое называли светлым будущим нашей родины. Равноправием. Братством. Миром. Что мы видим – борьба за власть и господство в темноте, в коридорах, под ковром. Кроме, сволочных рож и свирепых, жирных харь, ничего не видишь ни в правительстве, ни в ЦК. Это Китай? Это государственный дебилизм на уровне государственного маразма. Будущее тёмно и неизвестно. Я сорок лет с Мао. Мудрости набрался. Но счастья в народе не вижу. Смерти, лагеря смерти, жизнь в смерти. Это всё, чего мы достигли с песней, с музыкой, с цитатниками. Не жизнь – виртуальный спектакль. Я завидую монахам, они как-то гораздо правильней живут. Мы, как муравьи – чего-то бегаем, чего-то крутимся, но ничего не находим. А время продолжает свой безжалостный ход и отодвигает нас к той стороне бытия, где наш опыт жизни и мудрость познания никому не пригодятся.

Чан возбуждённо вскочил и в замешательстве заходил по кабинету.

– Что с вами, генерал? Раньше вы таким никогда не были.

– Не был. Успокойся. Я близко знаю Мао и других. И поэтому знаю, что будет происходить после смерти Председателя. Ленин, Троцкий дружно строили для народов рабовладельческий концлагерь. Сталин завершил строительство ужасного рабовладельческого государства. Мао построил точную копию рабовладения для китайского народа и это страшно для будущего, для земной цивилизации. Мы отошли от земной цивилизации, произошло историческое отщепление от развитого мира. Мы, как пещерные племена, не выше.

– А страна наша не рухнет?

– Ещё бы! Кому надо против бешеного миллиарда бедных, чумазных муравьёв лезть. Себе дороже. Япония – кто? Никто. А сколько лет воевала Китай? Позор. Позор от того, что правят амбициозные козлы. Не меньше и не больше. Не народ. Не законы. Кто-то. Кто присвоил себе право казаться умнее других? Фантастика советского писателя Ефремова в действии – роман «Час быка». Жуть. Будущее мрачно. Непредсказуемо. У нас худшие паровозы, корабли, самолёты, машины. У нас нет учёных. Никто не знает – чему учат в школах. В институтах. Земля запуганных крестьян – не больше. Мы должны давно, уже, в космосе летать – вместо этого землю мотыгами роём, копаем. Ужас. Кричать можем, но не больше. Нет никакого движения – гиблая трясина, сплошное болото. У меня одно осталось – вера в Дэна. Может он сдвинет огромную нацию с места. Если жена Мао придёт к власти, то ещё на долгое время – каторга и государственный концлагерь, карцер, репрессии, рабовладение под флагом патриотизма и любви к рабовладельцам.

– Дорогой генерал, вы меня шарашите. Какой я смелый вольнодумец, но вы меня далеко превзошли.

– Чан, все старики так думают.

– Вы так долго, предано служили идее.

– Идея оказалась глобальным враньём, созданной для закабаления и порабощения огромного, нищего, безграмотного народа.

Генерал успокоился, выпрямился в кресле; внешне, заметно осунулся, лицо его посерело, но острые глаза продолжали испускать мощный живительный свет отдалённой, мерцающей галактики.

– Чан, не надо думать, что все люди дураки. Не надо. Да, мы подчиняемся моменту, обстоятельствам, силе, но в нашей душе горькие слёзы закабалённой вечности. Мы плачем. Почему? Мы молчим. Почему? Как человечество мало знает о себе, о своей собственной истории. В общем, в массе хороших слов, в длинных, мудрённых предложениях – практически ничего. Кто сейчас знает о величайших победах Хеопса, Рамзеса: и Первого, и Второго; об их величайших похоронах? Миллионы людей лежали перед гробом. Все знали, что они также смертны. Но, плакали. Почему? Чего плакать, когда все равны и смертны? «Аида» – прекрасное произведение. Музыка – Гимн рабов – непревзойдённый мотив веков – слёзы вечно ожи-

даемой свободы, надежды на освобождение, но постоянного унижения и каждодневной боли. Кто это знает? Кто это поймёт? Кому это надо, когда своих проблем на уровне топора палача. Кто создал мир, где всё непредсказуемо? Для чего? Это же игра. Игра в темноте в кровавые прятки. Горький смех и горькие слёзы живущих. Великие сказали – жизнь спектакль: и все мы в нём рабы-актёры. Но мы так привыкаем к нашей паршивой, завшивевшей жизни, что не хотим её терять. Даже на время. Казалось бы – понял жизнь, её никчемный смысл – уйди из неё. Но... А мама? А папа? А дед? А баба? А дети? Против бога не пойдёшь. В следующей жизни он тебя в козьяку превратит, чтобы уважал то, что он тебе дал ранее. Мы то, кто? То – чем и как мы мыслим. С этого надо начинать. Но мы не знаем, кто мы. Не знаем. Узнаем ли? К чему все разговоры и рассуждения, когда мы не знаем – кто мы? Всё остальное пустая схоластика, заумная трепология вялых перестарцев мудрецов. Я уважаю монахов. Уважаю. Уважаю их потуги в познании нашей истины, миссии, нужности для вселенной. Но мы все, в наших познаниях, находимся на нуле. Понимаешь – на начальном нуле. С кем я должен спорить, говорить, полемизировать; когда мы все, кроме амбиций рассуждения – никто. Да, мы люди – мысль, Разум Вселенной. Но мы сами не понимаем, кто мы. О чём дальше говорить? О чём? Как может какой-то амбициозный Никто говорить ни о Чём? А говорим же. Спорим. Стреляемся. О – о! Никто не может быть выше Разума Вселенной. Вот в чём суть. Всё остальное ерунда. Мы превзошли Создателя в своих вечных спорах. Он такое не ожидал. Создатель нас не убивает. Мы с лёгкостью, с интересом, с жадностью – стреляем сами себя. Вот это уровень философии бытия. Что может быть выше?

*«Перо бессильно восторгаться
Над гениальностью основ:
Над тем, что создала природа
И продолжает род людской.
А было ведь всё тривиально:
Одна сплошная темнота.
И только мысль безраздельно
Над бездной строила мираж».*

Разбоев С.А.

Но мы идём дальше. У нас нет тормозов. Неужели мы своим разумом стали выше Создателя? Но в своей истории мы только и делаем, что воюем, стреляем, убиваем друг друга. Как же? Мы разумны. А поэтому конкурента надо убрать. И чем выше жестокость, тем лучше. Так придёт время: и Бога надо будет убрать. Кто он и что он? Тоже, как и мы – по сути никто. А это короткий путь во вселенскую глобальную смерть. Этого мы хотим?

Ч Е Л О В Е Ч Е С Т В О.

Здесь и хорошие сверхроботы не помогут. Вместо колыбели, Земля станет кладбищем человечества в самой колыбели.

Чан энергично всплеснул руками, останавливая генерала.

– Уважаемый Чу, неужели в вас такая ужасная, пессимистическая мысль? Видение будущего человечества осталось при самом, никчемном человечестве. Кто над ним? Это не схоластика. Даже не философия.

– Какое видение? Что мы видим, Чан? Все хватаются за атомные, водородные бомбы. Гигантские средства уходят на подготовку к войне. Гигантские. Людям порох вместо каши. Пушки вместо масла. Бомбы вместо мяса. Для этого надо поднимать экономику, промышленность, пропаганду скрытого зла? Что-то Бог сделал не так. Но что?

– К счастью, через осмысленное, философское страдание – вот, что сделал Бог. Чтоб жизнь не казалась вечным отдыхом и постоянным праздником на этом сверхгреховном свете.

– Ну, сказал. Смеёшься? Смейся. – Генерал старчески потрянул рукой. – Через несколько месяцев жизнь вам не покажется уроком осмысленного, философского страдания. Московия это уже многие века переживает. Там тоже не ценят мысль и требование общества. Царь бог. Генсек бог. Люди – бранный пепельный песок. Все крупно трястись будете. Рок безжалостного бытия никого не пожалует. И меня тоже. Хотя, я уже давно, выживший из практического ума, старикан. Кто меня будет слушать? Только внуки, которым ещё по пять, семь лет. Министр обороны Линь Бяо, пробовал добавить к общей государственной глупости свою глупость. Что случилось? Плохо кончил. «Да здравствует всепобеждающая мысль Мао Цзедуна». Что она победила? Здравомыслие и порядочность. Остаётся холуйство, рабство. Идиотство. Массовое. И поэтому – всепобеждающее. Сейчас, самая умная в нашей стране, его третья или четвёртая жена – Цзян Цин. Где Лю Шаоци – где? Достаточно умный и порядочный человек. Исключён из партии – кем? В 1969 году почил в бозе со всеми остальными объявленными преступниками, от рук тех, кто посмел взять на себя обязательства убивать людей по своему хотению и желанию. Здесь Бог прав. Революция убивает своих детей. О чём мы говорим? Тупее нас по разуму во всей вселенной не найти. Но никого рядом и нет больше во всей нашей вселенной. А мы одни. Вот где ошибка бога. Мы не должны быть одни. Не должны. Где Пэн Дэхуай? Даже креста на могиле нет. Он то верил в общего правильного бога. Чжан – генеральный секретарь до Мао. Где он? Линь Бяо, министр обороны – знаем, где он. Как только, кто-то и как-то, поднимался умом и интеллектом над Председателем – тихо пропадали во вселенской глуши земли. И мы это знаем. Но этим-то и хитры преступники. Проходит время. Люди думают о своём. И прошлое не так горячит душу, как ранее.

Генерал инстинктивно, нервно стукнул кулачком по столу.

– Чан, о чём мы с тобой говорим, творим, думаем? Это не наше. Но истина, правда жизни, гложет душу. Поэтому мы и скулим и плачем. Но, как ты сказал: счастье во страдании, а жизнь в сытии. А где Бог тогда? И в счастье можно иметь, силу и движение познания. И в сытии жажда исследований не покидает ищущие души. Э-эх, Боже – дай спокойствие народу Китая. А познание мы и сами отыщем: и в нашем народе, и в душе. И никому от этого хуже не будет. Никому.

Чан довольно похлопал.

– Не вы ли недавно, товарищ генерал, говорили: нам нельзя философствовать. Мы превращаемся в обывателей, нищенски ищущих познание. Нам надо быть сухими, жёсткими, бессердечными. Разведка.

– Истина посередине. Московия сделала свою оперативную разведку без ума и сердца. Ну и что? У них остановилась наука. Всё разрабатывается на военном и промышленном шпионаже, купленном, краденом. Сам научный уровень упал до уровня любителей, улучшающих велосипедные колёса. Движения в новое, в неизведанное – нет. Россия безнадежно отстаёт от маленькой Японии, Кореи Южной, Тайваня, Сингапура. Это историческое позорище амбициозных правителей. Но Московия не желает это признавать. Главное продолжать обманывать – и всё вернётся на исторические круги своя. Такова пропаганда любой церкви, стремящейся к гегемонии веры и сплошного рабства её паствы. И поэтому всё становится ясно, обоснованно, доказуемо, аргументированно, когда исходишь из этих жёстких, лживых постулатов. Церковь – основа и движущая сила рабства, последних войн двух последних тысячелетий. И с этим не поспоришь. Все факты говорят об этом.

Вдруг резко затрещал телефон. Генерал нервно покашлял в кулачок, не спеша поднял трубку.

– О-о, мистер эксперт, здравствуйте, уважаемый, здравствуйте. Готов вас внимательно выслушать. – Генерал активно кивал в такт говорящему по телефону. – Где и когда встречаемся? Понял. С товарищем Чаном через час будем на месте.

Генерал дал знак рукою подчиненному.

– Чан, расставьте людей. Американцы вступают в игру. Что-то скоро будем знать и мы. Людей, машины, расставьте. Армия на сегодня, пока, нейтральна. Только мы сейчас имеем реальную силу. Только не зарывайтесь. Не наживайте врагов, это главное.

Чан низко, усердно поклонился.

– Есть, сэр. – И шутливо, и серьёзно ответил он.

– Никому в Пекине не верь.

– Понял, сэр.

– Иди-иди, янки китайского происхождения.

Глава девятая

Рус.

Машина Руса выехала пятой по счёту в колонне машин из ворот Лэнгли. За ним ещё несколько. Небольшой кейс с секретными шифрами находился у его друга монаха Мина. Автомобиль легко нёсся по автобану со скоростью двести километров в час. Скоро к нему присоединились машины его сопровождения, а автомобили самой Конторы, как-то, незаметно исчезали на перекрёстках. Со стороны трудно было отследить, когда менялись экипажи сопровождения.

К аэродрому машины подъехали с разных дорог и в самолёте монахи оказались как бы случайно и незаметно со стороны.

Лайнер принадлежал самой Центральной конторе и поэтому, небольшую команду Руса уже ждали и борт по боковой полосе взлетел буквально через несколько минут.

Но Рус не только выполнил указание сэра МакКинроя по установке видеокамер на первом, контрольном самолёте, но и на своём произвёл тоже самое. Но, главное, надо было установить видеокамеры в кабине лётчиков. Как?

Но случай подвернулся сам. Пилотам приглянулась Дина и они пригласили её, с позволения Руса, посетить кабину и посмотреть, как управляют самолётом во время полёта. Монах не преминул воспользоваться случаем и передал девушке крошечную видеокамеру. Пока, всё было тихо и спокойно. Как в принципе, и должно было быть по плану.

Самолёт приземлился на Мальте для дозаправки.

По инструкции никто не имел права выходить из самолёта, кроме Руса. Но, и сам Рус сидел в самолёте и бдительно прислушивался к посторонним звукам. Все монахи осторожничали и делали тоже самое. Вдруг начала попискивать рация-телефон и Рус немедленно взял трубку. Это был сэр МакКинрой. Говорил он кратко, называя Руса только капитаном.

– Капитан, слушайте внимательно. Видеокамеры показали, что в контрольном самолёте усыпительным газом все пассажиры были нейтрализованы. Потом появился дым, ничего по видеокамерам не было видно. Через час дым исчез. Значит, капитан, бери группу своих ребят; десяти, думаю, хватит. Выходи из своего самолёта. Через час на аэродром приземлится контрольный борт Конторы. Садись с группой в него и лети в Эр-Риад, там будет перезаправка вашего контрольного самолёта. С нашим послом и военным представителем арестовываешь весь персонал борта. Весь. Посол и военный представитель присутствуют для подтверждения твоих полномочий и нейтрализации активности местных властей, если они вдруг проявят неуместные действия. Всё должно быть произведено быстро и шито-крыто. На этом же самолёте летишь в Штаты. Военный представитель привезет новый лётный персонал. Это будут два человека. Твои индусы сядут на другой самолёт. Их отвезут в Дели. Твой самолёт, с оставшейся группой, шифрами, я встречу в Непале на горном аэродроме Джун Хау. Ты же, арестованных передаёшь уполномоченным представителям Конторы. На этом твоя миссия закончена. Но, не расслабляйся. Может я через день два, сам прилечу в Вашингтон, представлю тебя Директору Конторы и, может быть, Президенту. Там будет видно. Их очень интересует Мао, его болезнь, будущее Китая. И, опять же, может быть, я уговорю настоятеля Дэ на время оставить Поднебесную. Мы втроём полезно проведём время в Штатах. Значит, по делу: лётный персонал не должен погибнуть. Довези их живыми. Полномочия у тебя есть. Вопросы имеются, капитан?

– Нет, сэр.

– Прекрасно, господин офицер. Благослови тебя бог.

– Спасибо, сэр.

Сэр МакКинрой наконец успокоился. Пока, всё было достаточно под контролем и плано-ново-предсказуемо. Тайна утечки шифров, в принципе, решена. Генерал включил рацию на работу с рацией настоятеля Дэ.

– Я готов вас выслушать, господин МакКинрой.

– Здравствуйте, уважаемый настоятель.

– И вам, здравствуйте. Что вас сегодня более интересует?

– Ваш великий и бессменный Председатель и Кормчий.

– Новости неплохие, обнадеживающие. Ван передаёт, что наши вещи старейшины прощупали у Мао рак многих внутренних полостей, и кучу других, достаточно серьёзных, болезней. Он, уже, давно не жилец. Самое странное, что и правительственные врачи, зная эти смертельные патологии, не говорят об этом самому Верховному.

– Сколько Мао сможет ещё протянуть?

– Сентябрь, октябрь последние его месяцы.

– Значит, у нас имеется не более шести месяцев. Кремль знает об этом?

– Господин МакКинрой, они мне об этом не удосужились доложить.

– Да, как-то забыл, не догадался об их оперативной нерасторопности. – Отшутился сэр. – Но новость хорошая. Главное, вовремя. Чжоу Эньлай 8 января умер, отошёл в мир иной, теперь Мао на очереди. Чёрная эпоха массовых смертей, репрессий, голода и глупой пропаганды заканчивается. Неужели китайцы вздохнут свободней?

– Может быть, господин генерал.

– Античеловечно, когда слепую веру делают источником рабства и наживы. А коммунизм, коммунистическая идея – оказалась изначально античеловечна.

– И мы согласны с этим определением. Но мы смотрим глубже. Рабство и наживу государственные и исторические преступники делают или, скажем, используют для дальнейших завоеваний соседних государств. И постоянно придумывают различные пропагандистские увёртки, чтобы обосновать свои античеловечные преступления и претензии на завоевания во имя своё.

– Господин настоятель, я ваши политические выводы буду использовать в политических кулуарах Вашингтона.

– Не возражаю, сэр генерал.

– Спасибо, уважаемый Дэ. Сколько дней ещё Ван будет в Пекине?

– Месяц или два ему нужно, чтобы охмурить головы докторов Мао и наших людей обезопасить, и самому тихо исчезнуть из Пекина.

– Это хорошо, уважаемый Дэ. Через неделю я лечу в Вашингтон, было бы полезным, если бы вы и Рус со мной побыли в Штатах.

– Господин генерал, у нас достаточно накалённая обстановка. Вы же знаете, какая, потихоньку, разворачивается жестокая борьба в прихожих спальни Мао и на задворках «Запретного города». Мы подготовили сотню с лишним отроков для помощи Дэну. Через месяц мы ждём и Руса в Пекине. Вы же знаете, что иностранцам любого ранга очень трудно попасть в Поднебесную.

– Да. Кроме кремлёвских агентов.

– Несомненно. Половина мест в гостиницах занято людьми из СССР. А вторая половина, думаю, вы догадываетесь.

– Раз вы так спрашиваете, то скорее всего – людьми жены Мао, Цзян Цин.

– Да.

– Дэну будет очень нелегко.

– Он это понимает.

– Наверное, мы здесь с Советами на одной платформе.

– Вполне.

– Я попробую через пару недель объявиться в Пекине. Вы там сможете быть?

– Смогу. Для нас особых преград нет. Тем более, что Чан всегда нам сделает соответствующие пропуска.

– Он и нам сделает. Но нам нужно много. Если наших некоторых людей оформлять как тибетцев: есть шанс?

– Думаю, что да. Тибетцы отличаются от самих китайцев. В Тибете много европейцев уже пятыми поколениями живут.

– А какие ещё провинции можно использовать?

– Те, которые рядом с границей СССР. Там двести и более лет разного рода европейцы живут.

– Это идея.

– Тем более, что многие вживлены в приграничные районы, как спящие шпионы – спящие до поры до времени.

Эксперт догадливо рассмеялся.

– Попробуй таких выяви. У них и дети уже чистокровные китайцы.

– Несомненно. И информированы они не хуже нас.

– Это точно.

– В Шанхае много европейцев. Там они уже второй век живут.

– Надо поднять бумаги. Мысль хорошая.

МакКинрой неожиданно встрепенулся.

– Уважаемый настоятель, прекращаем. А то мы с вами сильно разговорились. Вану это не понравится.

– Да, да. Всего хорошего, генерал. До встречи.

– До встречи.

Глава десятая Бешенство разума. Красный дракон Мао.

*«Я – вождь земных царей, я царь Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидона я ниспроверг и камни бросил в море.
Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моём едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!»*

*Надпись царя из династии
Аргонидов в переложении.»
Валерия Брюсова.*

Сегодня Председатель великой страны не вкушал мозги маленьких обезьянок и не торопился вкушать женское грудное молоко молоденьких мамочек. Вечность молодости не получалась. Вечность здоровья, тоже. В чём-то, самом главном, природа не доработала для великих и величайших. У крышки гроба, почему-то, все не только равны, но и жалки. Жаль. Очень жаль.

Старый, больной и дряхлый, но ещё великий и ужасный, для большой страны, Мао сидел на диване под клетчатым пледом, ёжился от проникающего озноба. Взгляд у него был притухшим, но по-прежнему, узким и злым. Племянник, незаметный и незаменимый, министр-советник, настороженно сидел напротив и чутко ловил глухие слова мудрого и всесильного дяди.

Неподвижное лицо Председателя серело и бледнело от внутренних болей организма. Он медленно, шаркающее, выдавливал из себя внутренние обиды собственных болячек.

– Что-то мне всё хуже. Что-то плохо и хуже. Жить, даже не охота от болячек внутри. Готовы, эти тибетские старики, меня лечить, оживлять: или не готовы?

– Наши официальные доктора не спешат, советуют тщательнее изучить их методы, возможности.

– Они, что, тупые? Полгода изучают. Всю жизнь работают по специальности, практикуют, людей режут миллионами, а толку? Где прогресс в науке? Зачем наши доктора тогда, хватает иностранных, они умнее. За деньги, но совестливее, эффективнее.

Гномик умно пожал плечами, кивнул головой.

– Дядя, но по вас не скажешь, что вы при смерти.

– Если б ты знал, как это мне даётся. Пока не подох, надо думать о стране. Этим, наверное, и живу. Цель и есть сама жизнь.

– И вы один с такой великой целью.

– А её хотят от меня отнять. Сволочи. Ублюдки. Всё, что я великого строил, присвоить себе. Политические негодяи.

– И исторические, тоже.

– Верно мыслишь. Я всегда верил тебе.

И великий Кормчий, зло и с душевным пафосом советского агитатора, мощно давил на дрожащую в комнате спёртую атмосферу подозрительности и страха.

– Что-то эти черти от меня важное скрывают? Мне бы не было так всё хуже и хуже. Следи тщательней за моим личным доктором Ли Чжисуем.

– Не может быть, дядя. За каждым доктором, лично, постоянно следим. И за стариками, за каждым следят наши опытные, преданные революции, агенты.

– Толку. Толку. Может, кого-нибудь из них, пора пристрелить?

– Надо подумать. Найти в ближайшем роду каких-нибудь предков подозрительных.

– А стариков, тибетцев?

– Какой смысл? – Небрежно брякнул племянник. – Им всем за сто. Для них день или год не играет той роли, как для обывателя.

Мао медленно привалился на подушку после минутного неожиданного напряжения.

– Никому нельзя верить. Никому. Все партийные прохиндеи дружно притихли и терпеливо, очень терпеливо, ждут моей затянувшейся, долгожданной смерти. Скопом. О власти моей каждый козёл сладко мечтает. Подонки. Нет, надо немножко пострелять негодяев. Миллионов двадцать, тридцать. Вон сколько их развелось. Сам не знаю сколько. В стране давно жрать нечего, а они в наглуую плодятся, как куры, кролики. Крысы ненасытные. Что за страна? На войну всех гнать надо. На войну. Кто там у нас первый враг?

– Ну, как всегда – злобные Советы, нахальная Америка, тупой Запад.

– Погнать пешочком на границу пару миллионов новобранцев с автоматами. Пусть потешатся шумною пальбой из всех видов оружия. Скучно нашему великому, бедному народу. Нет живительного, исторического адреналина. Да и мне скучно. Может я и болею от того, что нет хорошей, большой, агитационной, народной войны с врагами. А так, хоть встряхнусь душой. Кровь веселей по жилам моим побежит. Будет что народу ладного сказать. Да и недовольных всех на бойню потянем. Пусть дружно воюют за революционные идеалы. Пусть. А то совсем зря живут. Сколько времени нам надо, чтобы перевести армию на военное положение?

– На временное военное положение хватит и трёх дней. А чтобы начать военные действия, нужна скрытная работа полугода.

Мао ехидно оскалился.

– А мы скрытно не можем?

– Трудно. Много москалей живёт у нас вдоль границы. Очень много.

– Интернировать. В лагерь рассажать.

– Все поймут, что к войне готовимся.

– Неважно. Сколько у нас на сегодня танков?

– Десять или двенадцать тысяч.

– Ну, и всех их вперёд, в атаку. Пусть пыль великую поднимут. Как наша боевая конница в прошлые века.

– А горячее? У нас столько ни грузовиков, ни бочек с солярой и мазутом нет, чтобы обеспечить все танки.

– Что за страна, долбанная: ничего нет.

– А снаряды? – Умно и тактично подсказывал племянник, начинающему болезненно бредить, Председателю. – За каждым танком несколько грузовиков с запчастями гнать надо, или два три военных эшелона за одной только дивизией. Да и у нас просто мало толковых, опытных танкистов. А молодые – это горькие трактористы.

– А самолёты? Истребители. Бомбардировщики. – Злобно ухватился за следующую тему Мао.

– Около трёх тысяч. Но половина времён японской оккупации. Старые советские, американские, английские борта. Несколько французских, более новых. Но это ничто в современной долгой войне, на высоких скоростях и при подавляющей огневой мощи.

– А ракеты?

– Работа идёт. Полным ходом. Но нужно время.

– А его нет! Нет! – Истошно крикнул старик и зачесался нервно в животе.

Гномик молча кивнул. Добавлять не имело смысла. Мао подозрительно, болезненно вращал зрачками. Надо было вызывать врача. Но, Председатель остановил рукой.

– Не надо. Я просто так думаю. Мыслию. Так легче.

Старик пусто смотрел по сторонам. Красная драпировка его комнаты, нередко, так давила своим существом на слабеющее сознание Председателя, что иногда, кроме боли в голове и нервах, он более ничего не ощущал и не сознавал.

– Что придумать? Что? Народ не должен чувствовать, ощущать, видеть старение их великого, любимого лидера. Иначе страна завянет, как брошенный цветок под ногами врага. Её затопчут орды иноземцев: страну предадут забвению и разграблению. А потом и порабощению, как при недавней японской оккупации. Древнейшая империя не должна упасть врагам под ноги. Нужен новый мощный рывок вперёд. Нужно новое неожиданное движение. Найди правильную тему. Начинай всенародную пропаганду.

Министр-советник выпрямился, сел. Глаза настолько сузились, что почти закрылись.

– Нужно найти внутреннего врага.

– Кого? Линь Бяо давно почил. Лю Шаоци, тоже. Тэн Дэхуай, также. Генеральный секретарь Чжан, там же.

– А Чэнь Бода где?

– При мне. Секретарём у меня.

– Я, как-то, и не заметил, когда ты его при себе оставил. Всё думал, куда этот тихий мерзавец так ловко исчез? А куда, не понял.

Мао хитро хихикнул

– Потому что тихий. Может Московия помогла?

– Ну не понял я, дядя. Здесь надо подумать. А ваш политический преемник, дядя? Он ещё в силе? Всё же министр Общественной безопасности. А Ваш близкий друг, генерал Чу, его заместитель. Они работают вместе, но взаимности между ними немного.

– Хуа Гофэн? Я, как-то, о нём уже и забыл из-за долгой, пожирающей мою волю, болезни. Надо подумать. Так, так, так. Вызывай из Кан Шэна (Совет безопасности) генерала Чу: поговорим. Вот, как оно, хорошо. Неплохо. Я и взбодрился, и повеселел, даже лучше себя чувствую.

– Я рад дядя, что тебе стало лучше.

– Спасибо. Ступай. Готовься. После смерти Чжоу Эньлая обстановка в стране накаляется, становится неопределённой. Думай больше. Ищи заразу в наших рядах. Ну, будь.

Племянник подобострастно поклонился и быстро исчез за дверью.

Председатель ещё глухо и злобно, некоторое время, покрикал на окружающую среду и надолго притих на широком диване. Взгляд медленно шарил по стенам большой комнаты: и, с движением хитрых, недобрых глаз неторопливо уходило бесшумное время, куда-то за далёкий, туманный горизонт необъятного пространства и невидимого глазу пёстро-го цвета радиоволн.

Но всё, в подрагивающем воздухе великой страны, оставалось достаточно напряженно и настороженно. И никто, ничего не знал, и не догадывался, что будет завтра, тем более, после завтра. Народ заговорено бубнил цитатники Мао. Партия зорко следила, чтобы бубнил каждый, бубнили группами, орали толпами, большими толпами, целыми демонстрациями, всем семисотмиллионным народом. Спецотделы бдительно следили, чтобы все орали громко, чётко, с расстановкой и, обязательно, весело.

Никакой показухи. Вживую. Не фальшивить. И только с любовью. С большой партийной любовью к единственному и неповторимому.

Над смертельно больным, не засыпающим, вечно злобным стариком, в высоком небе стоял сплошной гул от раскаленных в великой любви и глубочайшей признательности, раболепно преданных, китайских глоток.

Вот это организация. И именно большевистского толка. И любовь по заказу. И рабство по расписанию.

Для всех и каждого.

Аминь, ничего не подозревающие, господа хорошие.

Всем аминь.

Будьте.

Глава одиннадцатая

Ван.

*«Если дурак при власти, то народ идиот:
или наоборот».*

Всё и всех, лично и правильно, подозревающий начальник охраны «Запретного города» и личный телохранитель Председателя, Ван Дунсин, подозрительно и придирчиво проверял караулы, сам расставлял у дверей проверенных солдат, снова и снова расспрашивал обязанности и права караульного.

– Какие права у часового? – неожиданно и глухо рыкнул он на немолодого уже, сержанта внутренней охраны.

– Часовой лицо неприкосновенное, товарищ полковник.

– Правильно, сержант. Кто тебя может сменить?

– Лицо, приведённое вами.

– Молодец, сержант.

Полковник тяжело хлопнул сержанта по плечу.

– Кому ты ещё подчиняешься?

– Начальнику караула.

– Нет. В «Запретном городе» на посту вы подчиняетесь только мне. Начальнику караула вы подчиняетесь после смены. Ясно!

– Ясно, товарищ полковник!

– Если на вас нападут: ваши действия.

– Уничтожить нападающего!

– Если их несколько?

– Уничтожить всех.

– Если начальник караула внезапно нападает?

– Уничтожить его.

– Если я нападу?

Сержант сначала запнулся, но потом смело выпалил: – и вас тоже я должен уничтожить.

– Молодец. Завтра получишь лычки старшего сержанта.

– Служу китайскому народу!

– Не бойся стрелять врагов. Не бойся. От этого гордость в личном сознании, и важность тебя такая охватывает, что ты чувствуешь себя богом. Полезное чувство для воина-солдата. Иначе солдат не солдат. Тюфяк гражданский. Баба.

Полковник, по-доброму, крепко похлопал сержанта по плечу.

– Здесь ты служишь только великому Председателю. Мне подчиняешься, но служишь ему. Сколько у тебя патронов?

– Тридцать пистолетных и пятьдесят винтовочных.

– Гранаты?

– Четыре штуки.

– Ты знаешь, что в соседних комнатах медитируют очень старые монахи.

– Старые? Нет, товарищ полковник.

– А почему ты так переспросил?

– Проводят здесь каких-то, но не очень старых.

– А сколько б ты дал?

– До вашего вопроса, лет шестьдесят, семьдесят. А сейчас, не больше восьмидесяти.

– Им всем за сто лет.

Сержант от удивления округлил свои узкие глаза.

– Их не трогай. Это древние лекари, ведуны старики. Безобидные, как полевые одуванчики. Они лечат Председателя. Но, присматривай за ними. Если что подозрительное, мне немедленно докладывай.

– Будет сделано, товарищ полковник.

– Особенно вот за таким интересным монахом.

Полковник показал ему фотографию.

– Понял, товарищ полковник.

– Завтра я тебе придам в подчинение пятьдесят солдат, и ты будешь ответственен вот за эти комнаты. И за монахов.

Сержант предано кивнул.

– Будешь теперь получать в пять раз больше.

Часовой чуть не подпрыгнул до потолка от давно желаемой, ожидаемой, приятной неожиданности.

Полковник внимательно посмотрел на сержанта.

– Впереди большие политические и государственные перемены. Будь бдителен.

– Служу китайскому народу!

Полковник хлопнул караульного по плечу и быстро пошёл по светлому, розовому коридору в отдалённую комнату. Там сидели Ван и трое древних, моложавых старцев. Он молча кивнул всем и присел рядом. Не глядя ни на кого, важно, заговорщицки заговорил:

– Уважаемые, скоро появится для аудиенции с хозяином, генерал Чу. После встречи с ним он зайдёт к вам. Какое ваше высокое мнение о дражайшем здоровье главы великой страны?

– Уважаемый товарищ Ван Дунсин, мнение древнего консилиума однозначное, неприятное: не больше шести месяцев проживёт великий глава.

– На сколько это точно?

– На столько, на сколько он протянет от наркотических уколов ваших недобросовестных докторов.

– Вы уверены, что наши доктора действуют во вред Председателю?

– Это нельзя сказать, потому что уровень вашей медицины очень низок. Что может сделать даже добросовестный школьник там, где требуются знания и опыт тысячелетий?

– Подумаем.

– Но, товарищ полковник, всё равно готовьте большой, расписной, с красным крепом, мраморный гроб. Плакальщиц. Траурные знамёна.

– Уважаемый Ван, вот вы взрослый и мудрый человек, вы не чувствуете, что наши политики не знают, что дальше по государственному управлению страны делать? Как жить самому, находящемуся в бедственном положении, забитому народу.

– А при хитром и мудрейшем узурпаторе Мао мы знали, что делать и как жить? Страна ничего не делала, кроме как глобальные глупости, кровавые партийные репрессии, интенсивно готовилась к войне со всеми, да плюс ещё репрессии и террор против всех недовольных в своей стране. И это, у вас, считается великим политическим курсом, мудрым историческим правлением? Или это просто банальная, кровавая, зверская защита режима отдельной личности? Защита подлого рабовладельца от праведного суда народа. Вся государственная пропаганда работает на то, чтобы доказывать рабам, как мы хорошо и правильно жили при великом, историческом, неподражаемом больном параноике, возвышенном дураке, творческом идиоте.

– Но страна при нём не развалилась.

–Какая-то необоснованная, жалкая, словесная чушь, пропагандистская пустышка. Даже при японской оккупации страна не развалилась. С чего это она вдруг развалится только от того, что новые чиновники придут править? Это сами политические бездари вечно прикрываются

этой темой, чтобы отстаивать свою абсолютную, но никчемную в истории, рабовладельческую власть. Вспомните всю историю страны: две с половиной тысячи лет самому государству Китай; сколько бездарей правило в тех пыльных веках, потом захват Китая монголами; и что? Где монголы? Никаких следов, вроде бы, самого могущественного государства в истории. Даже столицы нет. Наши политики не только поголовно тупы, но и бездарны в обосновании своих личных, амбициозных целей. А от этого страдает сам народ. Веками. А чиновничья страна, просто сама, никак, не может развалиться усилиями самих чиновников. Не получается никак. Это простому человеку лучше жить без чиновников. А чиновнику всегда лучше работается именно в большой стране. Легче воровать.

И десятки институтов работают над тем, как ловчее, мудрее обманывать народ. А ведь, в любом случае, обмануть можно двадцать, двадцать пять процентов населения, не более, остальных просто прессуют и гнобят, чтобы боялись и в тряпочку молчали. А для молчаливых задумчивых холуёв показывают красивые, дутые цифры преступных, во всём, всенародных выборов. И поэтому, поэтому – задумчиво и медленно тянул чемпион – ничего хорошего, в ближайшие десять лет, народ Китая или другие народности, как и Тибета, не ждёт. Ни при Мао, ни без Мао. Да, и преступники, никогда не были, даже, средними, посредственными правителями. Они думали лично только о себе, лично о своей власти, лично о своей семье, лично о своей дутой, надутой исторической значимости.

– А вот скажите, уважаемый Ван, у Китая есть большое историческое будущее?

– На сегодня нет. Технически мы слабее маленькой Японии, крошечной Голландии, Бельгии. О чём говорить? А что будет через двадцать, тридцать лет, это гадание на свежей кофейной гуще. Мне, чего-то думается, что скорее СССР развалится, чем что-то в Китае переменится. У них пятнадцать, слишком различных по интересам и религии от несторианского Кремля, республик; не говоря об автономных и прочих. Тем более, что радикальное православие и радикальный ислам не объединишь. А репрессии и террор никогда не были объединительным оружием, идейным материалом. А вот Китай однородный на девяносто девять процентов.

– А Дэн Сяопин?

– Если ему дадут возможность что-то сделать и время, чтобы это всё успеть сделать. Он ведь тоже не молод. Всё у нас – пока что пустынные, зыбкие, туманные пески смутного времени непредсказуемого будущего.

Полковник встал, поклонился.

– Я убегаю, уважаемый Ван, приближается генерал Чу. За ним, может, и генерал Чан появиться. Что-то Мао предсмертное, серьёзное, неожиданное замышляет.

Они бесшумно разошлись. Ван с мудрецами ушёл к остальным патриархам. Полковник проверить и лишний раз взбодрить охрану.

Тихий, незаметный, генерал Чу, бледной тенью колыхающего призрака прошёл мимо застывшего полковника, приветствуя его легким взмахом руки. Тот пошёл рядом, показывая часовым, чтобы они отходили на шаг или два в сторону.

Мао вяло приоткрыл глаза, когда лёгкая мелодия звонка подсказала, что в зал входит приглашённый посетитель. Он пальцем показал, чтобы генерал присаживался поближе.

– Ну, мой старинный, верный дружок, ты очень неплохо, для бойца не видимого фронта, выглядишь.

Генерал смотрел на давнего друга и видел на его неподвижном высохшем лице сереющую предсмертную маску.

– Мне уже давно так не думается, брат Председатель.

Мао кисло улыбнулся. Холодный блеск глаз долго мутнел в его отрешённом взоре.

– Не скромничай. Говори проще. Здесь свидетелей нет. Что ты мне можешь предложить, для того, чтобы бурно встряхнуть нацию? Скучно мы живём. Работа не идёт. Воевать не с кем. Враги притихли, как мыши, не выдают себя.

– Почему? Хитрюги Советы, свои атомные, баллистические ракеты везде расставляют вдоль наших границ.

– Как близко?

– Не очень близко, но достаточно опасно для нашей государственной, национальной безопасности.

– А получилось бы как-то захватить какие-нибудь новые секреты ракет молниеносным рейдом наших спецполков?

– Всё у Советов находится в горах, глубоко под землёй. А там почти невозможно что-либо украсть.

– Как и у нас, в Тибете?

– Точно так, дорогой Мао. Горы, климат гор, не позволяют небольшим отрядам долго существовать там. Они просто гибнут в горах.

– А наши ракеты ещё плохи?

– Не просто плохи, а очень плохи.

– Сколько же нам надо времени, чтобы приблизиться по уровню технологий, хотя бы к средним странам?

– Никто не ответит сколько времени. А вот новейшие технологии надо постоянно воровать, как это делал Сталин. И всё время покупать, как это и сейчас делают японцы.

– Но у нас не мало своей хорошей техники имеется. И что? Наши учёные не могут постоянно улучшать, совершенствовать старые танки, самолёты, корабли?

– Всё упирается в новые прорывные технологии, материалы. Химия сейчас важнейшая передовая наука. Она даёт новым материалам важнейшие качества и по прочности, и по лёгкости, и по токопроводности, и по другим важнейшим параметрам.

– Но и вы мне говорили, что у нас больше всех важнейших сырьевых материалов в земле находится.

– Да. Но их нужно ещё достать из земли. А для этого тоже нужны новейшие технологии.

– Заколдованный круг.

– Очень похоже.

– Кто его разорвёт?

– Время.

– А его у нас нет.

Генерал кивнул головой. Но, Председатель тоже покрутил головой и внешне, прямо-таки, заметно взбодрился, оживился.

– У простака Брежнева его тоже немного.

– А что с ним?

– Ну, тебе, шпион, это надо знать лучше меня. По данным наших агентов идёт стабильное ухудшение здоровья. Это даже заметно во время официальных приёмов.

Мао ехидно захихикал.

– А я думал, только у меня стабильное ухудшение здоровья.

– Время никого не щадит. Хотя, что мы знаем о жизни? Только то, что мы видим. Но мы многого не можем объяснить. Оно за гранью нашего понимания.

– Вроде всё так примитивно в жизни и неинтересно в бытии, но объяснить проблематично. Всё упирается в детали.

– Из деталей всё и состоит.

– Вот, почему оно так? Казалось бы, живёшь, живёшь. Никаких проблем со здоровьем. А потом, неожиданно – бац. И понеслось: то то, то это. То там, то сям, болит, ноет, напоминает, угрожает.

– Это напоминание свыше о бренности бытия, напоминание о боге. Мы должны о нём помнить. Болезнь – это напоминание нам о том, что недалёк час встречи с ним.

– Ты для церковной исповеди притащил ко мне свою неумную голову?

– Исповедь дело личное. Освобождение души от тягот прошлого, вот в чём ответ.

– Ну, ну. Нахал. Я ещё не просил отпущения грехов. Мои исторические добродетели превышают мои грехи.

– Несомненно, брат Мао. Но человеческие души всегда требуют дополнительной внутренней чистоты.

– Умён. Хитёр. Мудр. Такое ощущение, что ты иезуитские колледжи раньше заканчивал.

– С годами, оно само в голове складывается.

– Вот это верней. Но получается, чем больше мудрости, тем больше болезней.

– Не совсем. Монахи Тибета, Индии, Непала, Бутана, да и наши монахи – многим за сто, но болезней в них не видно.

– Почему так?

– У них сохранилась чистота души.

– Можно подумать, что они с детства уже святыми становятся.

– Ну, что-то от этого есть. Не каждый ведь в монахи идёт.

– Ой, читал я и о них: киллеры, убийцы, насильники. Все у них есть.

– Согласен. – Внешне не упорствовал генерал. – Но, такие, не долго живут. Высший Разум всех видит.

– Одновременно?

– Конечно. Он нас создал, он нас и принимает обратно.

– Что-то не по-христиански.

– Ну, бред уголовных государственных преступников, всегда был политическим и историческим бредом для народов и государств.

Мао сел, охая, опёрся на стенку мягкого дивана. Генерал пробовал помочь, но Председатель остановил его рукой.

– Не надо. Я ещё, пока, сам двигаюсь. А вот ты, какой-то, прямо-таки, оппозиционер стал. Ранее, ты так не говорил.

– Перед смертью можно.

– А что мне можно?

– Не знаю. У правителей свои мысли, свои права на историю.

Нас же никто не помянет в письменах: ни плохо, ни хорошо. Нас просто не было. Время было, шло, но нас, как бы, и не было и в то, и в это время. Мы все проходим в истории под сакральным прозвищем «Народ». Вот это виртуальность.

– У вас и ответственности никакой.

Генерал согласно кивнул. Показал глазами на небо.

– Но головы рубят, опять же, тем, кого вроде бы в истории и не было.

Председатель выпрямился, довольно посмеялся определению генерала и, так же, довольно, потёр руки.

– Но, всё же, некоторых из этих отщепенцев, тоже долго помнят.

– Только узкий круг историков.

– Не только. О них ещё и фильмы снимают.

– Жалкое утешение.

– Это ты меня просто успокаиваешь. В истории всё не так. Но ты, давай по делу. Всё же генерал, а не чайник пустотелый какой.

Генерал разложил папку с исписанными листами на столик.

– Первое: опасное приближение американских и советских ракет к нашим границам. Второе: угроза растущей экономической мощи Японии нашим интересам. Тайвань, тоже. Третье: угрожающее военное напряжение на западных границах Тибета. Четвёртое: разработка атомного оружия Индией, Израилем, Пакистаном. Пятое: большое скопление кремлёвских и британских агентов в Афганистане. Начинает бурлить Польша.

Генерал замолчал. Мао через несколько секунд подсказал продолжить следующую тему.

– А по внутренним делам?

– Первое: глубокая технологическая отсталость. Производственная пропасть, ничем не заполненная. Второе: недоедание в провинциях. Третье: усиление диссидентских настроений в обществе. Четвёртое: Гонконг. Макао. Пятое: усиление военной мощи Тайпея (Тайвань). Но, товарищ Председатель – наверное, нам следует, также, как и в Штатах, и в Советах, активнее развернуть космическую программу.

– Согласен. Но ракеты у нас слабые.

– Штаты нам помогут, если мы им сможем помочь раскрыть места расположения ракет на восточно-азиатских Тихоокеанских берегах Советов.

– Так в чём проблема?

– Во времени. Наша диаспора в России работает.

– Молодцы. А что мешает нам кое-где и дезу Советам подсовывать?

– Американцы всё проверят. Они уже с космоса неплохо землю видят. И довольно подробно – до трамваев, машин, сараев.

– Как? – неподражаемо скривился Председатель и заковырялся бамбуковой палочкой в зубах.

– Оптика у них высочайшего класса. Мельчайшие детали улавливает. Они уже делают по детальную карту земли и городов с точностью до домов на улицах, деревьев в лесу, камней в пустынях.

– Так почему же они не видят с космоса работы на земле, в горах. Подвоз ракет. Они же огромные.

– Проверяют себя. Многие работы на земле могут быть обманными. Много карьерных разработок. И сверху, ещё, недостаточно понятно: ракетный объект или сырьевой?

Мао согласно кивнул.

– Да-а. Сколько же у них денег?

– У кого?

– И у России, и у Америки.

– У Советов работа почти бесплатная. Штаты сами доллары печатают и нам продают. Вот вам и деньги. Огромные деньги.

– Хитро и мудро. Чем и отличаются американцы от прочего мира. А что мы можем предложить бурного, хаотичного, брэнному миру?

– К сожалению, ничего. Пока мы не поднимем экономику до уровня, хотя бы средневропейской страны, мы не представляем интереса для развитого мира. Никому наши рикши и земельный, ржавый металл не нужен. Нужен экономический прорыв, как в Японии.

– А что для этого нужно?

– Экономическая свобода производителя.

– А компартия? А Я?

– Под руководством вашим и партии.

– Как это?

– Пусть крестьянин свободно выращивает на земле растительной продукции столько, сколько сможет продать и сам накормиться со своей землёй.

– А раньше было не так?

- Извольте, брат Мао. Если народ голодает, то отчего?
- Отчего? – Мао потёр подбородок. – Неужели народ голодает? А население отчего так стремительно растёт?
- Это исторически. Травы у нас хватает. Белков в траве практически нет.
- А рис?
- Рис – это злаковые, бобовые. Это не трава. Но, и Риса не хватает государству. Но, нужны, ещё, коровы, свиньи, овцы, козы, куры, утки, морепродукты – нужно всего и очень много.
- Надо издать нужный закон по этому поводу.
- И чем раньше, тем лучше.
- Мао позвонил в колокольчик. Вошёл секретарь.
- Чэнь, прикажи завтра подготовить Закон о разрешении свободного сельскохозяйственного производства продукции во всём Китае.
- Секретарь поклонился в знак исполнения, но вставил: – А земля, товарищ Председатель?
- Что земля? – Мао непонимающе уставился на секретаря. – На земле пусть и выращивают всё.
- Но у нас закон, что земля принадлежит государству.
- На государственной земле пусть и растят.
- Они и растят: в колхозах, коммунах, общинах, сами по себе.
- Так почему они голодают?
- Не известно, товарищ Председатель.
- Мао повернулся неподвижным лицом к незаметному генералу.
- Мне ничего не понятно, выращивают же рис и траву.
- Они не свободны.
- В чём?
- В использовании своей продукции.
- Что-то я снова не понимаю. – Мао привычно, как хищник, оскалился. – На государственной земле растить, а продукцию себе присваивать.
- Не всю. Часть в качестве налога государству.
- А остальную?
- Пусть продают народу.
- Тогда ни я, ни партия не нужны народу.
- Не совсем, общее управление государством необходимо из центра.
- Нужно собрать Малый Совет и всё обдумать. До этого, мы же, как-то, жили.
- Именно, как-то.
- Ты меня раздражаешь. Неужели мы до этого не тот курс указывали и проводили? Всё было по ранее разработанному, обсуждённому и принятому на очередном съезде, партийному плану.
- В том то и дело, что мы жили по планам не нами разработанными, но Кремлём. А у них постоянные планы рассчитанные, чтобы народ всегда и вечно был беден, обманут и холуйственно предан.
- Это я и без тебя знаю. Поголовное рабство – основа коммунистической идеи. Но, сам курс был правильный.
- Да, но сам дьявол в детали прокрался.
- Вот те на. Детали в дьяволе – в земле, в траве, в рисе.
- Именно. И это главное. Сытый народ работает лучше: качественнее, быстрее. Менее склонен к бунтам.
- Что-то я многого в деталях не понимаю, не помню. Или мне об этом, раньше, мало кто говорил. Не настаивал. Что-то вечно и нудно о другом, не существенном, может, и не пра-

вильном болтали. Лозунги, прокламации, крики на съездах, музыка, песни. Всем было весело. Рожи толстые. Никто не голодал.

Генерал умно промолчал, а секретарь стоял, как неподвижный истукан с острова Пасхи. Мао снова откинулся на подушки.

– СССР также живёт.

– Да. И поэтому тоже крепко отстаёт от США и Запада. Даже от никчемной и позорной Японии.

– Не понимаю, как это они что-то новое придумывают?

– Да, интересно. Вот сейчас наши агенты в Америке и Англии собирают информацию на какие-то счётные машины – компьютеры их называют. Внешне, чушь какая-то. Огромные шкафы, с какими-то детальками, с целый дом. Радуются. Продают друг другу. Премии раздают. Какая с них польза? Десять человек больше сделают, чем эта жестянка с лампочками. Да и наши специалисты не видят в них никакого будущего. Как они такую аппаратуру на самолёт поставят? На большие корабли, это ещё, как-то, и можно. А на ракеты? А они всё это в секрете держат. То ли промышленная деза, то ли чёрт что ещё? Не понимаю. Вот выписал их технические словечки: аноды, катоды, термокатоды, пальчиковые лампы, полупроводники, диоды, транзисторы. Не понять. Но, если вспомнить ранние самолёты, первые железные корабли – такие же, монстры из страшных снов. А прошло время: и на тебе – летают, стреляют, космос уже аппаратами занят. Рации, радары, телефоны – уму не постижимо. Нашему.

– Надо, чтобы наши учёные всё это постигли.

– Да, индусы, японцы посылают своих студентов в Штаты, Англию, Францию. Те приезжают оттуда, понимают, учёными становятся. Надо своих студентов посылать туда.

– Посылайте! Кто мешает?

– Надо решать на уровне правительства.

– Решим. Без проблем.

У Мао вдруг неожиданно и резко закатились глаза вверх, он тяжело и прерывисто задыхался, хватаясь в области живота и сердца.

Генерал нажал кнопку, в комнату вошли трое врачей во главе с Ли Чжисуем, и личный телохранитель Ван Дунсин. Врачи начали производить расслабляющий массаж и одновременно укрепляющий укол. Контрразведчик резко выговорил глуховатым голосом: – Он должен жить. – Показал пальцем Вану: – Следи, пожалуйста, уважаемый Дунсин. – Секретарю показал выйти из комнаты. Сам, тоже, быстро вышел следом.

В коридоре начальнику общей охраны дворца.

– Товарищ полковник, полная караульная готовность ко всему. Посты удвоить, менять каждый час. Как монахи?

– Ожидают.

– Наверное, они больше не понадобятся. Председатель очень слаб.

– Они своё дело успели сделать?

– Может быть. Но, совсем не надо, чтобы о них знали лишние лица. Ван, главный монах, пусть тихо и незаметно, завтра, в любое время суток, исчезает из запретного города.

– А как это?

– Он знает. Его люди уже в столице.

Полковник дальше уже не задавал лишние вопросы, видя, как генерал нетерпеливо топал к дальнему выходу. Он поклонился вслед и пошёл усиливать посты и производить обход часовых. Его невдалеке ожидал майор Тан.

«Слепой идёт, не зная дроги.

Глухой всё слышит чей-то звон.

А коммунисты, знай – фашисты,

Дурманом подлым травят род».
Разбоев С.

– Майор, генерал дал отбой всем. Завтра, как-то, должен исчезнуть из дворца монах Ван. Интересно, как он это сделает?

– Думаю или усыпит охрану, или какими-нибудь магическими действиями отвлекут, или ещё что-то хитрое придумают.

– А мы?

– А мы просто не почувствуем время. Нас, скорее всего, отвлекут.

– Правильно, майор. И отвлечёт нас, скорее всего, хитрый генерал Чан.

– А кому ещё? Мы больше никому не подчиняемся.

– Верно. А как нам его отвлечь?

Майор засмеялся.

– Он пошлёт нас подальше.

Полковник тоже заулыбался.

– Интересно, куда?

– Присутствовать при кончине Председателя.

– Ещё рано.

– Но нам придётся с врачами фиксировать время и информировать верхушку партии.

– Это твоя работа, а куда меня пошлют?

– С генералом Чу ходить.

– Точно. Кто у тебя из капитанов свободен?

– Да любого можно выделить. Это мы уже сами решаем.

– Хорошо, найди толкового и преданного. Дай ему людей, продумай, как может монах Ван улететь из дворца? Меня любопытство обурекает.

– А как наша канализация?

– Вот-вот, и это проверь. А я за атмосферой прослежу.

Но всё оказалось гораздо прозаичней и не интересно. Монах Ван вышел вместе с генералом Чаном в форме полковника служб связи. Никто не знал, как Ван вошёл в запретный город. В принципе, никто не знал, как он и вышел. Знали только два генерала. Догадаться – кто?

Но в самом Пекине было много разных спецслужб при высоких и влиятельных особах, и расслабляться монахам, и сторонникам Дэн Сяопина было никак нельзя.

Чемпиона монаха Вана встретили члены «Белого Лотоса» в большом старинном доме, где с давних пор находились запутанные подвальные ходы, имеющие выходы в соседних кварталах. А Рус, с командой, слонялся рядом или у американского, или кремлёвского посольства. Опасной работы хватало. Полиция-милиция, многочисленные сексоты, бегали по улицам и дворам; и, очень, как-то, нагло и назойливо смотрели каждому в глаза: и, как бы, спрашивали, чтобы прохожие признались в подготовке чего-то антигосударственного, плохого, нехорошего. Многие ждали и жаждали крови. Вот только чьей крови?

«Живой ты родине не нужен.

Не нужен ей и с головой.

Ты нужен только для работы

Холопской, рабской и тупой».

Разбоев С.

Не думал отдыхать, поживать на прошлом и коварный племянник Мао – министр без портфеля, главный советник Председателя: хитрый, осторожный, но политически, подковёрно, подленький и опасный для всех.

Он в тайне, долго и упорно, думал: а почему бы и нет. Почему бы ему не попробовать влезть на золотой стул Председателя. Но, его возраст давал мало шансов утвердить свою возможность и скрытные намерения. Второе: у него не было практически никого близкого в политических кругах партии. Раньше он всех презирал, считал кандидатами на позорную ликвидацию. Его умелыми подковёрными интригами и, конечно, продуманными советами третьей супруги председателя, мадам Мао, были изгнаны или уничтожены многие виднейшие лица при самом Председателе. Они были может и не так умны и мудры, как следовало государственным деятелям, но он сам просто был хитрее, подлее, коварнее и быстрее. И он был в тени, умел всегда молчать на малых Советах, где практически и решались главные направления государственного курса. О нём никто ничего не знал, кроме самого Председателя и мадам Мао. Это высокий уровень диктаторского, рабовладельческого режима. Высочайший.

Но, ОН, он на последнем пороге, на прямой финишной доске к диктаторскому посту. На последней. Но, сердечко шумно дрожит, часто пошаливает. Тяжел ты, кровавый топор диктатора. Ох, тяжёл. Он постоянно рвёт душу. Честному, порядочному человеку не сдюжить. Здесь должен присутствовать демоническая сволочь. Чёртова сволочь. Поганая сволочь. Не человек. Выродок. Ублюдок. Мутант. Почему в истории, только незаконнорожденные байстрюки и оказывались историческими, и антинародными, звериными, кровавыми сволочами. Гордый, честный, порядочный, никогда не пойдёт против совести, чести, суда, народного мнения. Сволочь пойдёт. Всякая. Ей мнение истории, народа, в отхожий ящик. Она же, ведь, – ОНА, Натуральная, непридуманная сволочь. От бога. Самого бога. Другие просто козлы, нелюди, слабаки. О чести думают. О совести. Дома сиди, совестливый козёл. И думай там о своей совести и чести. Мусор истории. Романтики и фантазёры. Да ты, даже, для падшей бабы никто. А в истории? Смех. Такой не потянет и баранами руководить. Плётка, пистолет, кандалы, концлагерь, канавы и овраги для тех, кто звериных слов не понимает. Что о них говорить? Не мясо – порченное сало ИСТОРИИ. Сгнившее сало. Протухшее.

Нет диктатора – нет страны. Кто будет помнить и изучать историю страны, где ничего страшного не происходило? Неинтересно. Даже, детям в школе. Война. Всё время война. Расстрелы. Сплошные, плановые расстрелы. Вот это помнят. Вавилон, Египет, Рим, Византия, Московия: всё время вели завоевательные войны. Без этого и Московии, может быть, сейчас и не было бы. Был бы миллиард с лишним татар, мордовцев и прочих сто двадцать племён и народностей. Ну и что? Жрали бы разные толстяки мясо и травы. Где движение, интерес к жизни? Страсть к жизни. Всё скукота. Болото. Кто знает скучный Непал, Бирму, Таиланд? Да и ту же огромную Индию знают только потому, что её территорию разделили по религиозному признаку, и что сейчас идёт постоянная возня за Джамму и Кашмир. На этом и Пакистан имеет национальную идею объединения. Без этого никак. Активные террористы немножко подмазывают постный хлеб обывательской жизни кровавыми красками желания и страдания. Кто бы знал Гитлера, Сталина, без Второй Мировой войны. Никто. А Хрущёва без полёта Гагарина? Кому интересен коротышка с кухонным голосом сварливой бабы? Который строит из себя умнее всех на Земле. Даже, покрытых исторической пылью и вековыми песками Хеопса, Сети-1, Рамзеса, Тутанхамона, ту же Клеопатру и прочих фараонов песчаного Египта знают: потому, что они вели длительные завоевательные войны. О-о, сам племянничек знал историю хорошо. Не просто хорошо, а очень хорошо. Это кандидаты и доктора знают только узкий кусочек исторических годов и то, только по маленькой теме. А он знает хорошо всю историю, и всех стран. Крупных, конечно. Офф коосс, господа. А сейчас? Как сейчас? Что можно предпринять, чтобы глобально потрянуть народы? Кого потрянуть?

Кого спровоцировать?

Старого врага: Японию. Но как? За оккупацию тридцатых, сороковых годов нужно. Но как? За неё вступятся Штаты, Европа. С Индией – долгая, затяжная дурацкая война. Бессмысленная. Хотя: какая война осмысленная? С маленькими странами воевать – себя не уважать. А не воевать – себя не знать. Нужен союзник. Жена Председателя никогда не любила племянника Мао. Она догадывалась о роли министра. Её это постоянно бесило. Часть своей родственной любви и привязанности Председатель тратил не на её, а на гнома племянника. Она немедленно уберёт его, если дорвётся до власти. А вот с Дэном министр-советник может договориться. Дэн не глупый, не проявляет чванства и глупых амбиций. Осторожный. Никого не отталкивает. Убрал жену Председателя, мадам Мао, потом можно и самого Дэна убрать. Нужно с министром Общественной безопасности Хуа Гофэном встретиться, поговорить. Но он вечно молчаливая фигура. Очень по характеру близок к Андропову в Кремле. Но он тоже, справедливо, опасается министра-советника и на близкий контакт не пойдёт. Всё же, скорее всего, он и решит, кто будет при власти после дяди. Ван Дунсин, телохранитель дяди, слишком непредсказуемая и страшная фигура. Сейчас с ним нет смысла встречаться, а после смерти, тем более. Но как решиться и не ошибиться, с кем объединиться? Генерал Чу, главный заместитель Хуа, фигура в политике ни какая. С мадам Цзяо Цин, то же, ни каких отношений. Сам Хуа, как-то особнячком был в правительстве и в военном Совете. Он, более, нейтральная фигура среди всех. Но, и самая непредсказуемая. Старые кадры ликвидированы. Министр обороны, Е Цзяньин, хитёр и молчалив. Не хочет повторить ошибок Линь Бяо. Ван Хунвэнь, заместитель Мао, организатор Хунвейбинов и народного ополчения, куратор силовых структур: при живом дяде он ничего не скажет и ни с кем объединяться не будет. Что делать? Что делать?

Думая своё и о себе, министр без портфеля непривычно кривлялся, ежился. Брови то сжимались к переносице, то раздвигались в сторону маленьких остреньких ушей. Губы рисовали такие кривые линии, что непонятно было – он или думал о чём-то вполне серьёзном, или, как шут-клоун весело растрясывал смехом публику в кочующем цирке. Маленькие ручки нервно дёргали подлокотники большущего кресла. А грамотная мысль всё не шла. Или мозгов правильных мало, или подлой фантазии маловато. Наверное, кого-то надо брать в боевые союзники, как Сталин в своё время ангажировал друга Гитлера. Но у Китая никогда не было ни друзей, ни союзников. Как это так получилось? Сама по себе, огромная страна, с преогромнейшим населением, да ещё постоянно растущим, не нуждалась в сочувствии каких-то там, просто карликовых, недоростков республик.

А может взяться за преступность в стране? Организованную преступность. Коррупцию. Организованную в партии, в ЦК коррупцию. Это стоит большой политической игры. Под эту идею можно всех личных врагов извести. Народ поднять против скаредных и корыстных чиновников.

Министр довольно поморщился. Это лучше. Пора встречаться с прокурорами, судьями. Нужна полная статистика по этим темам. Но, есть ли она? Для глупого, порабощённого народа, всё это тщательно скрывалось. Если сейчас поднять безграмотно пену пропаганды, то народ может не понять и поднять антипартийное восстание. Наверное, стоит, да и пора спровоцировать супругу Председателя на выдвижение в первые лица. Она купится. Ей всё надо. Она всего хочет. Хочет быстро, сейчас. Многим влиятельным лицам в партии Китая это очень не понравится. Пора встретиться с Дэном. Он должен поддержать. Надо разыграть с ним начальную политическую фракцию против мадам Мао. А если он откажется? Или будет отнекиваться? Тянуть время. Он всегда очень осторожен. И лишнего слова не скажет.

Министр кисло, недовольно поморщился.

А может самому сидеть, выжидать? Но, что ты высидишь в семьдесят девять лет? Только болезни и старчество. Глупые мысли всё чаще одолевают тебя. Желание власти отгоняет грустные мысли. И это хорошо. В кого вцепиться? В кого?

Самонадеянный, но осторожный министр, незаметно для себя, быстро и крепко заснул. Громко, свистяще захрапел. Золотой стул великого Председателя, в сизой дымке, долго и сладко снился ему. И ему было хорошо. Пусть другие грызутся за власть. Он ещё поживёт. У него нет своей команды. Ему не о чем думать. Он политический статист. Ни жена Председателя, ни Дэн, никогда не возьмут его к себе. Он для них скрытый враг. Нужно готовить себе отход на третьи или четвёртые позиции и затихариться. Так лучше. Не грызи свою судьбу, не имея острых клыков. Пиши длинные, слёзные мемуары, скрытый горе политик. Твоё время уходит. Со смертью дяди он становится политическим пенсионером или трупом, как любят язвить журналисты. Ну и сволочи. До всего им есть дело. Трупом. Сами они трупы. Никчемные шуты, писаришки.

Министр медленно уходил в долгую сонную дремоту. Неопишное внутреннее счастье в тихой дрёме; когда ты просто уходишь в космическую нирвану и нежно балдеешь от глубокого состояния нирванного блаженства. Нега. Пусть дураки бьются за власть, а мы лучше со стороны посмотрим. Так спокойнее. Это тоже политика. Тихая, незаметная, безобидная политика.

Сон – это наша лучшая часть скрытой, скромной жизни граждан земли.

Глава двенадцатая Холод разума.

*«Короля играет свита,
Кровавых диктаторов – ХОЛУИ.
Нас ведёт общество.
Личность – обстоятельства.*

*В наше время политик говорит правду
только тогда, когда называет лжецом
другого политика».*

Альфред Ньюмен.

Человеческий разум подозрительно странен, и очень. Для жизни странен своей постоянной необъяснимой критичностью к себе. Странен высокомерным снисхождением к прошлому. Особенно детства. Вроде, и можно принимать на веру всё, что имеется в реальной жизни.

Но. Но. Но.

Что-то поднимает нас выше прошлого, выше обыденного. Даже постоянную, ожидаемую будущность своей непредсказуемой ненужной смерти, принимаем, как вселенско, загадано заказанный, уже прошедший этап нашего понимания бытия и брэнной жизни. Смерть своя, своим разумом, принимается, как виртуально прошедшее будущее. Но, которое когда-то там, в будущем, должно произойти по прихоти, какого-то там, хорошо известного всем, БОГА. Вот как.

Это заказанное для ума, будущее с пониманием того, что обязательно произойдёт страшное, неизбежное в неопределённом настоящем будущем.

Не от этого ли такой большой процент постоянного количества самоубийств среди людей? Что тут скажешь, все хотят жить. Но почему, определённая часть людей решает лишать себя жизни? Не жажда ли это реально прочувствовать свою смерть в ожидании, наяву. Реальное ожидание, желание своей смерти при уме и полном здравии.

Наука ещё не дала общественности определённого ответа.

Очень возможно, что эта фатальность разума и даёт направление некоторой части человеческого общества чувствовать себя выше времени и обстоятельств. Меньше бояться смерти, а в некоторых случаях и презирать её. Да мы смертны, но мы ещё пока живём. Живём неплохо, немало. Это их высокомерное кредо, правило видение жизни и её двигатель. А пока жив, борись. Чего бы тебе это ни стоило. И это явно и подленько проявляется в наглости, сволочизме той части общества, которая считает себя великой чиновничьей, неприкасаемой элитой.

Для достижения своих корыстных целей и желаний, они нагло обманывают общество, гонят миллионы людей на войны, прикрываясь общепринятыми фразами о любви к родине, патриотизме, об опасности врага-соседа, об опасности и предательстве всех, кто находится на пути их целей к благополучию и верховенству.

Но, и пытливость мозга, поиск нового, неожиданного, творчество личности, ведёт к новым трудностям: и преодоление их, тоже постоянная, составная часть личного счастья человека.

И это, тоже хорошо. Удовлетворение самим собой. Наука уважать себя – сильная вещь. Не каждому это дано. Холуи, вроде, недалёкие люди. Но уважать себя они умеют. И не дай бог обидеть их. Изживут тебя со свету. Но, пресмыкаться и ползать перед выше стоящим –

это они ещё более умеют. Это у них в генах. Так уродены они. Всех гордых и умных под корень могилы. Остаются при власти холуи и подонки, мерзавцы и ублюдки. Они заставляют запуганный народ работать. Работать для власти, то бишь для полноценных высокопоставленных холуёв и, ещё пока, не поставленных номенклатурных холуёв. Это принцип жизни современного чиновничье-рабовладельческого государства. Современного.

Кто это придумал? И огнём, и мечом внёс в современную жизнь – конечно, античеловечный, кровавый большевизм. Кто продолжает сие надругательство над народами и историей – античеловечные рабовладельцы-коммунисты. Всех мастей и окрасок. Как живут сегодня эти рабовладельческие государства – мы знаем. Примеры – СССР, страны СЭВ, Куба, Северная Корея, Кампучия (Камбоджа), тот же Китай, Ливия с лидером революции без поста и стула: просто лидер революции и всё. Египет. Ирак. И другие диктаторские и сохранившиеся королевские страны. Странно всё это. Но везде к диктаторской власти их приводили кровавые коммунисты. А где главные коммунисты? В Кремле. Вот и весь сказ, вся догадка. И сам, земной Разум не желает принимать всё это, как правильную историческую данность. Это завуалированное словами и пропагандой рабовладение над народами. Поэтому, всегда будут расти в обществе здоровые силы, которые будут стремиться уничтожить это чиновничье рабство.

Коммунистический Китай последних трёх десятилетий превратился в натуральное чиновничье-холуйское государство: в чём умело и кроваво догнал СССР, Северную Корею, Кубу. Но в нём, постоянно появлялись силы, сопротивляющиеся всеобщей холусоциализации страны. Сплошная нищета государства, полная техническая и технологическая отсталость по отношению к развитым странам, изоляция от соседей – что ещё надо стране, чтобы позорно зябнуть в наше современное время. Зато, оружие, патроны на каждого. Цитатник Мао – на каждого.

Рабы – вперёд к победе всеобщего коммунистического рабства.

Это – по-нашему – по Советскому.

Ради рабства народа и политического благополучия Сталина, его холуи и подхолуйники морили подневольные народы голодом, гнали на войны и расстрелы миллионы скромных, без амбициозных людей, желающих только одного – чтобы не было войны. Но, преступники-диктаторы без войны жить не могут. Без войны преступник-диктатор не удержит власти. Без внешнего, внутреннего врага он становится гражданином никто и звать его никак. А вот с войною – ого-го. Только ляпни что. Законы военного времени таковы, что позволяют расстреливать без суда и следствия любого и каждого. Толпою, скопом, отрядом – как хочешь, так и стреляй, расстреливай. Чем больше, тем лучше. После войны должны остаться только рабы, холуи высшего света и подхолуйники чиновники. Таково строение государства рабов. И никак иначе. Всё остальное, пропаганда для обмана, тех же, скромных, работяг рабов – от бедного учителя с потёртым двадцатилетним пиджачком, до оборванного колхозника или пропитанного мазутой и маслом промышленного рабочего.

Се ля ви – такова жизнь рабовладельческого государства. А коммунистические режимы все – репрессивно-террористическо-рабовладельческие.

Ничего личного – рабство, как историческая необходимость для полноценной жизни элиты рабовладельцев.

Вот и радуйся нищей жизни, ничего не зная и не понимая в ней.

Таков и коммунистический Китай. Ничего нового.

Не так говоришь – смерть тебе и забвение.

Не так думаешь – смерть тебе и позор на весь род.

Смерть – лучший подарок тебе любимому, родному от любимого и родного, лучшего государства в мире.

Позорная смерть, тоже подарок – но со знаком минус.

Возрадуйся, холоп. Это твоя отмеренная, отсчитанная народным слугой, чиновником-рабовладельцем, роковая доля.

А народ молчит.

Не просто молчит.

Пашет на слуг народа, рабовладельцев и молчит.

А современные рабовладельцы великой страны не могли решить, кому из них быть главным рабовладельцем – генсеком.

Верная, великая жена Великого Кормчего, Цзяо Цин, друг и соратник по партии и идеям, себя считала высоко праведной, первой наследницей самой большой страны. Маленький Дэн Сяопин, которому на это время было семьдесят два года, считал, что он лучше справится с задачей, и хоть как-то, сможет облегчить жизнь и быт китайского раба.

А народ ничего не знал и молчал.

Не знал, да и не мог знать этого и монах-капитан Рус.

Тайны политических верхов его всегда менее всего интересовали. Но долг и слово заставляли его сейчас с группой молодых монахов следить за улицами в столице и прислушиваться к шуму бурлящего на демонстрациях и митингах, заинтригованного болезней Председателя, народа.

Генерал МакКинрой передал капитану Русу, что за генералом Чаном замечено скрытое, наружное наблюдение спецслужб партийной верхушки Мао. Это было не просто опасно. Надо было, как-то искусно спровоцировать агентов на ошибочные действия и нейтрализовать их.

Рус по городу старался не ходить и меньше появляться на улицах. Бледнолицым европейцам опасно было ходить по проспектам столицы или даже по провинциальным городам. Развёртывалась громкая кампания против всего иностранного, тем более, американского. Толпы малолеток бегали и рыскали в поисках жертв. Монаху уже приходилось показывать им мастер-класс в нескольких местах, но опаснее были сами спецслужбы самой Общественной Безопасности. Эти имели право стрелять. Приходилось продуманно изощряться в оперативном разнообразии и стараться быть невидимым и неслышным.

А вот во дворе, у дома генерала Чана, постоянно находились топтуны-агенты. Но, не это было главным. Генерала просто могли убить. И тогда прощай удобная связь со столицей и контрразведкой. Такого, второго информированного и полезного лица уже не найти. Для монахов генерал Чан – это весь Китай. Для американца МакКинроя надёжная связь с самой службой Общественной Безопасности – «Кан Шэн» и с другими нужными спецслужбами.

Вечер. Быстро темнело. Длинной, ползущей тенью змеи, медленно показалась машина генерала во въезде во двор. Человек тридцать малолеток, беспричинно шляющихся по близости, провокационно, с шумом, размахивая флажками, бросились к машине. Один из них неожиданно упал и закатился под колёса. Истошные крики, гам, нервная шумиха, истеричные вопли. Со стороны было заметно, показная истерика подонков с продуманной жертвенной аварией. Толпа начала яростно стучать по капоту и раскачивать автомобиль, призывая к наказанию пассажиров. Рус показал сигнал рукой – четверо молодых монахов, во главе с Минном, втесались в толпу и начали невидимыми со стороны, жёсткими и неожиданными движениями наносить пальцами глубокие удары по рёбрам, почкам, печени налётчиков. Несколько секунд и половина толпы, уже каталась по земле, истошно стонала и корчилась от боли. Весёлый Мин умудрялся сначала всадить свои стальные пальцы глубоко в почки, а потом хватал за шмотки орущего от резкой боли неудачника и откидывал его далеко в сторону. Со стороны смотрелось, будто часть людей просто освобождали пространство для проезда машин. Рус стоял недалеко от свалки в соседнем подъезде, наблюдая и за ходом драки, и вокруг за обстановкой во дворе. У других подъездов и рядом, начали собираться любопытные прохожие и местные зеваки. Но, скоро из подъезда генерала Чана вышли четверо подозрительных в тёмных пиджаках и двинулись в сторону потасовки. Капитан снова подал сигнал. Ещё двое его монахов быстро двину-

лись наперерез четверым. Во дворе стояла общая крикливая шумиха и никто не обратил внимания на неожиданные, ударные движения двоих. Четверо, неудачливо смелых, в пиджачках, скоро тоже уже корчились в спазмах от боли. Около самой, причинной в деле, машины, монахов уже не было. Сам генеральский автомобиль быстро ретировался из двора и исчез. Следом появились цветные машины милиции. Двое монахов тоже растворились в толпе, а неожиданно побитые агенты внутренних служб, только со злостью озирались по сторонам. Рус скрылся в подъезде, где стоял и наблюдал за происходящим. Поднялся на третий этаж и вошёл в квартиру. Там молодые монахи стояли с короткими автоматами, готовые к бою.

– В чём дело? – удивился Рус.

– На ближайших улицах появились грузовики с солдатами.

Это, уже, было очень опасно. Никто не ожидал такой быстрой и мощной поддержки спецслужб от армии. Значит, за генералом Чаном не просто следили и готовили провокации, но готовились предать его или смерти, или публичной казни, как это часто практиковалась в коммунистическом Китае. Неизвестно было, это или просто акция устрашения или солдаты начнут прочёсывать кварталы дом за домом. Рус быстро передал по рации, чтобы остальные группы немедленно исчезали из домов злополучного двора. Самим тоже пора было уходить по одному. Автоматы были спрятаны под пол, и монахи ушли, оставив на двери печати прокурорского надзора. Рус остался внутри квартиры. Ему показываться на глаза спецслужбам было просто нельзя. Как говорят, не тот фэйс.

Но, прокурорские печати не помогли. Солдаты прочёсывали все квартиры. И дверь тайного убежища, так же была шумно выбита, как и другие. Несколько молодых вояк ввалились внутрь. Рус был на балконе за старым шкафом. Когда худое лицо молоденького бойца любопытно сунулось за шкаф – короткий резкий удар по голове оглушил и свалил наземь аккуратного исполнителя приказов свыше. Надо было мгновенно принять решение, что делать дальше? Как случившееся превратить в незадачливый, несчастный случай. Рус не сильно ударил имевшимся увесистым, деревянным брусом на балконе, по голове лежащего солдата и расположил того, не удачно упавшим от удара. Винтовку под ним. Сам спрятался снова за шкаф. Приготовил пистолет. Другой боец, шнырявший в соседней комнате, прибежал на балкон, увидел упавшего сослуживца, начал подленько смеяться над его неказистой позой падения. Прибежал третий. Расшевелили, привели в чувство упавшего товарища, и, продолжая смеяться, потащили на лестничную площадку. Дверь захлопнули.

Беспечность исполнителей – это спасение для многих агентов и наших героев.

Через час, когда шумные армейские салаги покинули двор, Рус по рации вышел на сэра МакКинроя. Выслушав капитана, генерал посоветовал ему на время залечь на дно, не показываться в городе. Все оперативные мероприятия передать Мину с группой.

– Капитан, я встречусь со сторонниками Малыша. Понятно, что столичная красавица перешла в наступление. Надо их предупредить. Через два дня я тебе перерадирую. С твоими отцами поговорю. Ты спрячься. Не открывайся. Узнаю обстановку, сам тебя поставлю в известность. Впереди предстоят сложные, неопределённые дни.

МакКинрой, после разговора с Русом, сразу позвонил генералу Чу.

– Здравствуйте, генерал.

– Приветствую вас, сэр.

– Ваш подчинённый ещё не появился перед вами?

– Пока, ещё нет.

– Наш воспитанник отбил нападение распушенной молодёжи на вашего человека. Наверное, и вам нужно предпринять необходимые меры защиты.

– Спасибо, сэр. Я догадываюсь, откуда исходит угроза. Сейчас представляю, что надо предпринять. Я вам перезвоню. Ещё раз спасибо, перехожу к действиям.

– Удачи вам, генерал.

– И вам, сэр.

Генерал-отшельник, очень тонко знал все подводные камни китайской столицы. И поэтому его чёрный автомобиль быстро выехал из резиденции тайной конторы. Через час он встретился с Дэн Сяопином за городом в его конспиративной квартире. В отдельной маленькой комнате генерал, строго глядя на Малыша, чувствительно выговаривал:

– Уважаемый Дэн, Тётка смело перешла в наступление. Странно, но почему-то начала она с нас. Первым подвергся нападению генерал Чан. Монахи сумели отбить провокационное нападение новоявленных хунвейбинов. Второй удар, вероятно, будет по мне. Американец предупредил меня. Штаты на нашей стороне и готовы помочь нам всеми имеющимися средствами. Что нам сейчас предпринимать?

Дэн не торопился с ответом. Покачав головой, упершись в подлокотники кресла, медленно заговорил.

– Наверное, мы слишком необоснованно осторожничаем и поэтому запаздываем. Неправильно медлим. Хотя, мадам ближе к Мао, и нам, лучше медлить, чем спешить. Не ожидал я от неё такой наглости и прыти. Но она не понимает, что ЦК партии, верхи провинций и народ, в основном, против неё. Пусть Мао слаб, но он ещё жив. Как она осмелилась? Кто-то третий, я предполагаю, скрытно в игре участвует. Кремль нейтрален. Штаты на нашей стороне. Запад тоже. Кто же третий?

Генерал, внимательно глядя мимо Дэна, ответил на вопрос вопросом.

– Уважаемый Дэн, а вы знакомы, знаете родного племянника Председателя?

Малыш, вроде не удивлённо, но с дипломатическим интересом говорил: – Даже не знаю, что сказать. Вроде о Председателе и его семье всё известно, но о племянниках не слышал.

Генерал с оперативным нажимом, пояснял:

– При самом Председателе он всегда был советником и достаточно скрытным, опасным интриганом в Политбюро и ЦК. Его тайными и хитрыми стараниями ушли в небытие многие известные и влиятельные товарищи по Партии. Здесь он часто действовал заодно с мадам Мао.

– А где он сейчас находится?

– Его личную квартиру мы знаем. Но их может быть, наверняка, несколько. Но, главная, в Запретном городе. При Мао он почти всегда находится.

– Возможно организовать с ним встречу?

– Я подозреваю, что нападение на Чана, может быть и его кровавых рук делом. Но с вами он, наверняка, готов встретиться. На сегодня этот опасный племянник не знает к кому примкнуть. Когда Мао отойдёт в мир иной, он никому будет не нужен – ни как политик, ни как советник. Кроме подлости, он ни на что не способен. А амбиций у него выше головы. При нём имеются неформальные спецотряды для спецопераций. В настоящий период он достаточно влиятельная и опасная фигура. Не лишено смысла ему многое пообещать, а потом сами решите, что с ним делать.

Дэн мягко улыбнулся и ещё мягче спросил: – А сами, что потом желаете делать?

– Мне семьдесят шесть лет. Пора на пенсию. Но, полезным советником могу быть ещё достаточно долго.

– Отлично, товарищ Чу. Значит, организуйте на завтра вечером встречу с ним и безопасность переговоров. Вам самим на время тоже необходимо исчезнуть из города. Мы в ближайшее время поднимаем народ. Следом будет заседание политбюро. Газеты готовы дать информационный удар. Всех сторонников Мадам Мао мы хорошо знаем и скромно назовём «Бандой четырёх». Нам нужны яркие положительные отзывы о нас во всех западных и американских газетах. Мадам надо изолировать от мирового сообщества. Тогда супругу Председателя покинут её же сторонники. Мнение ЦК и Политбюро будет более монолитным и, более, против неё. Но наши верные воинские части должны быть в полной готовности. Надо не допустить, чтобы противостояние в верхах, шумно и злобно перешло в гражданскую войну. Вот тогда всё будет

надолго непредсказуемо, кроваво и опасно для всех. Для нас также. Спецслужбы сейчас ничего не решают. Поэтому, всех своих людей отпустите в отпуска, на лечение, в командировки и так далее. Министр обороны против Цзян и это главное для нас.

– Может монахов и моих людей к вам передислоцировать? Пусть будут охраной и курьерами для вас. Тем более, для этой важной встречи.

– Что ж, хорошо, мысль правильная и даже своевременная. Подумайте с моими людьми. Монахи и ваши офицеры нам не помешают. А польза будет несомненная. Все силы надо сейчас бросить на свержение «банды четырёх». Не допустить гражданской бойни, генерал. Всех своих людей присылайте сюда, ко мне. И ещё – как поживает сам министр Общественной Безопасности, уважаемый Хуа Гофэн?

– Болеет сейчас. Целый букет болезней при нём неожиданно обнаружено. Что именно, молчит, не говорит. Но, что-то с внутренними органами: то ли с почками, желчным пузырём, то ли с печенью. Одно сказал, что надолго.

– Ой, хитрит он, дорогой Чу. Он, конечно, для себя молчит. Но не уйдёт со сцены. Он ещё молодой. Пятьдесят с лишним лет. Для политика, это младенческий возраст. Но я уверен, он тоже против супруги Председателя.

– Он более за Председателя.

– Мы все более за Председателя. Ну хорошо, спасибо вам, генерал, временно расходимся. Генерал поклонился и тихо ушёл.

Министр-советник непривычно и неожиданно для себя, волновался. Обычно злобный и скрытно хитрый, сейчас, когда Мао медленно угасал, он начинал бояться всего. К кому переметнуться? Кого предать? Обмануть? Не в традициях древнего Китая бабу властью надевать. Тем более, что она слишком нагло и высокомерно себя ведёт. Ему, советнику, места при ней никак не найдётся. Она всю свою многочисленную родню втянет в правительство. Страна превратится при ней во что угодно, только не в могущественную державу. К Дэну надо. Как? Как заставить его заинтересоваться опытным интриганом министром? Через генерала Чу. Произвести молниеносное, успешное нападение на его преданного поделника, непотопляемого, хитрого генерала Чана. Если Чана ликвидировать, то сам Чу быстро выйдет на Дэна и на время исчезнет с поля зрения. Генерал опытен и интриги в верхах просчитывать умеет. Но, старый, матёрый контрразведчик хорошо знает и его, министра-советника. Он предан дяде: неужели не поддержит его, племянника. Тем более, что он догадывается – денег у советника не просто много, а очень много. А сейчас, они всем очень нужны. И в большом количестве. Четыре ближайших, крупных города вокруг Пекина надо перетягивать на свою сторону. Четыре. Плюс огромный, вечно подозрительный, свободомыслящий и кроваво бурлящий, Шанхай и ещё четыре крупнейших городских конгломерата Китая надо агитировать за Дэна. А это деньги. Большие Деньги. Советник уже знал, что и как делать. Позвонил. Вошёл горбатый, также маленький, китайчонок.

– Мэнь, ты хорошо знаешь, когда и какой дорогой, генерал Чан ездит домой из «Кан Шэна»? Организуй общественную провокацию малолеток. И в общей, драчливой свалке, убейте Чана.

Тот низко поклонился и просто, и кратко ответил: – Будет исполнено, хозяин.

Но, когда поздним вечером ему доложили, что провокация провалилась, гномик жёстко понял, что в чём-то он просчитался. В чём?

Он снова вызвал исполнителя.

– В чём дело! Что не так?

Тот совсем спокойно, отрешённо поклонился, глухо ответил:

– Всё было организовано в старых, наших глубоко отработанных, традициях. Но, в последнюю минуту появились какие-то серые ханыги в тряпье, раскидали по кустам моих обу-

ченных ребят. Агенты из секретных спецслужб также были атакованы неизвестными прохожими. Генерал Чан на машине исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.